

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Вера ЧИРКОВА

ИСКУСНИК.

ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Annotation

Трудно, почти невозможно найти счастье в нескончаемой череде лишений, погонь и сражений, но еще тяжелее вовремя поверить в драгоценную находку и понять ее истинную ценность. А Инквару не повезло, и теперь ему предстоит сразиться за потерянное с могущественным, коварным и жестоким врагом, и не кинжалом и зельями, а его же оружием: хитростью и интригами.

Но победит лишь тот, кто с честью выдержал испытание на прочность, а также на честность, бескорыстие и преданность друзьям и собратьям по духу.

Вера Чиркова

Искусник. Испытание на прочность

© Чиркова В. А., 2017

© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

* * *

Глава 1

В детстве ночь казалась Инку полным опасностей неведомым миром, населенным жуткими коварными чудовищами.

Но с того момента, как он впервые испытал на себе действие амулета ночного видения и зелий усиления слуха, ночная мгла стала ему преданным другом. Неожиданно для самого себя юный искусник вдруг перешел из беззащитных жертв порождений тьмы в стан могущественных повелителей ночи, но осознал это далеко не сразу. Лишь намного позднее Инквар научился сполна использовать временное преимущество перед врагами и теперь откровенно радовался этому умению. Только оно одно и могло спасти его от несправедного гнева людей, собравшихся вокруг гигантского магического костра.

Сейчас искусник не рассчитывал ни на авторитет командира убежища и Дайга, ни тем более на помощь Алильены. Наоборот, молил всех богов, чтобы удержали сумасбродную девчонку от глупости, не дали вмешаться в самосуд и подставить себя под ярость рассвирепевших воинов. Нет ничего страшнее и безумнее обозленной полупьяной толпы.

Собранной силы хватило с лихвой, и Инквар, резко расширив защитный купол, одним взмахом руки разорвал его с той стороны, откуда за «сожжением негодяя» не наблюдал никто из публики. И сразу направил стену иступленно гудящего огня на ораву разгоряченных травлей зрителей. Из нескольких десятков глоток единым вздохом вырвался испуганный вопль, но ни один из наемников пока не догадывался, что это грозное на вид пламя уже не может причинить им сколь-нибудь значительного ущерба. Вместе с магией огонь стремительно терял и ярость и жар, хотя Инк изначально не желал никому навредить. Он всего лишь собирался немного припугнуть ораву «мстителей» и хоть на несколько секунд отвлечь их внимание от себя.

Встревоженные крики наемников стали для него сигналом. Пока самые рьяные мстители, отскочив от внезапно ринувшегося на них огня, сбивали шустрые рыжие язычки с рукавов и волос, Инквар тенью проскользнул в разрыв в щите и с невероятной для человека скоростью помчался по темным тропам убежища в сторону серого дома. Он отлично знал: не успеет еще остыть земля в том месте, где якобы сгорел обидчик Канза, как среди зрителей найдутся бдительные добровольцы, желающие выяснить, что за человек столько дней жил вместе с ними и нет ли ответов на этот вопрос в его дорожном мешке.

Нет, Инк и секунды не сомневался в быстроте и уверенности, с какими Динер покажет подчиненным, кто здесь командир, и вернет знамя власти в свои руки. Но в то же время был почти уверен в другом. Никогда лжеискусник и его подпевалы не откажутся от права каждого гильдийца участвовать в преследовании новичка, который якобы первым подло напал на Канза. Таковы законы гильдии наемников и травниц, и нарушать их командир вряд ли решится, не желая терять безоговорочное доверие своих воинов.

К тому же тем, кто наблюдал за их стычкой со стороны, все именно так и казалось, и о том, что произошло на самом деле, точно знают только сам Инквар и лживый самоучка. Ну и, может быть, еще Алильена да пара-тройка одаренных, но на них теперь рассчитывать не приходится.

О друзьях и ученице искусник старался вообще не вспоминать, все равно он пока не имел никакой возможности их успокоить. Даже знак подать не мог и оттого надеялся лишь на сообразительность Алильены, связь с которой, несмотря на разорванную клятву, никуда

не исчезла, наоборот, день ото дня становилась все сильнее.

А перед Инкваром сейчас стояла более сложная задача: незаметно попасть в свою комнату. В последние дни в сером доме постоянно жили двое всецело преданных Динеру людей, служивших ему и Алильене одновременно охраной и подручными.

До сих пор у искусника не возникало ни малейшего сомнения в их молчании и дружелюбии, однако теперь, оказавшись в роли злодея, он все же опасался довериться малознакомым людям. Сейчас он вообще сожалел, что согласился допустить посторонних к своим тайнам, ведь если Канз вдруг сочтет нужным напоить парней зельем истины, то несладко придется и Динеру и его помощникам. Однако и обижать недоверием всех тех, кто эти дни вместе с ним делал для убежища нелегкое, но важное дело, тоже не хотелось: кому, как не искуснику, знать, насколько больно ранят несправедливые подозрения честных людей.

Взобравшись на холм, Инк замер неподалеку от двери и, не забывая присматривать за тропой, целую минуту сосредоточенно раздумывал, тщательно взвешивая противоречивые доводы. Совершенно не присущее искусникам решение далось нелегко, и еще некоторое время Инк колебался, не зная, стоит ли так рисковать. Потом оглянулся на усыпанный мельтешащими огоньками поселок и уверенно вставил в скважину ключ. Иногда выбирать приходится между несоизмеримыми по ценности вещами, и если он не желает потерять доверие новых друзей, то должен пожертвовать частью своих тайн.

– Что-то случилось? – выглянул в коридор один из охранников, Сивер, когда Инк стремительно несся на второй этаж.

– Канз, – распахивая дверь в свою комнатку, нарочно коротко бросил он, давая стражнику всего несколько секунд на принятие решения. Вполне достаточно для тех, кто уже прочно определился с выбором.

– Змейская порода, – расстроено процедил наемник и побежал следом за искусником. – Чем-нибудь помочь?

– Задержите их, – распорядился Инквар, торопливо бросая в дорожный мешок пожитки. – Он считает меня погибшим, но наверняка пожелает обыскать комнату. Я иду к горячим источникам, пересажу где-нибудь в укромном местечке, а вам дам снадобье, выпейте на всякий случай. Вдруг кто-нибудь решит проверить на честность амулетом или зельем.

– Не нужно, – твердо отказался Сивер. – Мы не говорили, но у нас обоих есть небольшие способности. На меня не действуют никакие зелья, а Ченку даже менялы доверяют свои сундучки. Но все равно, спасибо за заботу. Динеру и Дайгу можно намекнуть, где ты?

– Разумеется. – Скрыв за серьезным кивком накотившее волной облегчение, Инквар дружески хлопнул воина по плечу, подхватил мешок и саквояж и помчался к двери в подземный ход.

Обострившееся в последние декады магическое чутье предупредило о приближении рыжего огонька, каким виделась на расстоянии Алильена. Разговаривать с ней при наемниках очень не хотелось, сгоряча девчонка способна всего парой фраз разрушить образ скромной травницы, так тщательно создаваемый ими все эти дни.

Но если бы искусник догадывался, как сильно сердита на него Алильена, то настрого запретил бы охранникам вообще упоминать о себе при ученице. Знал по личному опыту: обозленным женщинами, как и запаленными быстрой скачкой лошадям, в подобных случаях нужно время, чтобы успокоиться. И если скакунов прогуливают по манежу, то Лил лучше отвлечь на важное задание, и желательно где-нибудь подальше от Инка.

Однако искусник пока даже не подозревал, насколько острее, чем он сам, ощущает их невидимую связь Алильена. Потому-то и мчится сейчас напрямик туда, где горит для нее синий огонек его ауры.

Пробираясь по подземным коридорам, Инквар вовсе не предполагал заглядывать в переделанную под лазарет комнату для совещаний. Однако за несколько шагов до знакомой двери вдруг почувствовал, как неудержимой волной накатывает непривычная слабость, и поспешил ухватиться за стену. До одной из постелей, где совсем недавно лежали его пациенты, искусник добирался как в тумане, шатаясь и не отрываясь от стены, теряя временами представление, куда и зачем бредет.

Алильена вихрем проскочила мимо охранников, даже не заметив их настороженных лиц, и напрямик направилась к незаметной дверце, ведущей к горячим источникам. Гарвель и Дайг неслись за ней, а Динер остался возле места происшествия, уговаривать воинов успокоиться и вернуться на праздник.

Но вовсе не радость по поводу счастливого спасения учителя сумасшедшим вихрем толкала девушку в спину, а яростное желание добавить ему подпалин, если не хватило амулетов Канза. Несколько десятков ступеней и три сотни шагов Лил преодолела меньше чем за минуту и решительно ворвалась в пещеру, за дверью которой бледно светил голубой огонек. Разъяренной тигрицей подлетела к походной лежанке, на которой, бессильно раскинув руки, лежал ее учитель, и со всего маха залепила ему звонкую оплеуху.

От удара голова Инквара дернулась и безвольно сдвинулась с подушки, открывая затылок, покрытый комочками спекшихся волос. Несколько секунд девчонка неверяще смотрела на эти шершавые шарики, невольно представляя, как силен был окружавший искусника жар, потом, с усилием преодолев бушующую в душе обиду, нехотя подвинула голову учителя на место и до боли стиснула кулаки, почувствовав под пальцами теплую липкую струйку.

– Ну ты и дура, – скрипнул зубами влетевший следом за ней в пещеру Гарвель, метнулся к столу, схватил кувшин с холодной водой и салфетку. – Отойди!

– Я сама!

– Сама ты уже сделала все, что могла, – почти с ненавистью прорычал Дайг, приподнимая голову искусника и подсовывая под нее прихваченную с соседней лежанки подушку. – Теперь посиди молча в сторонке, чтобы я нечаянно не зашиб.

– Ты не лекарь! – вспыхнула Алильена, в глубине души признавая справедливость его упреков, но даже не представляя, какая сила могла бы заставить ее сознаться в этом вслух.

– Ты, как выяснилось, тоже, – с разочарованием выплюнул ювелир. – Им свойственны сострадание и выдержка. А ты сначала заварила кашу, а потом...

– Почему это я заварила? – снова вскипела Алильена. – Я гуляла себе, никого не трогала! А этот сумасшедший...

Она вдруг сообразила, что начинает оправдываться, резко смолкла, развернулась и бросилась к двери, с силой отшвырнув попавшийся на пути стул.

– А сумасшедший увидел, как тебя ведут, словно телку к бычку, и ринулся спасать, – едко бросил ей вслед Дайг, полоща салфетку в миске с холодной водой.

Вода становилась розовой, а лица наемников – все более хмурыми и жесткими. Сейчас они оба остро жалели, что не догадались неотступно ходить рядом с Алильеной, и не важно, как стала бы реагировать на такую опеку сама девчонка.

– А вот это вовсе не ваше дело! – расвирепевшей гремучей змеей мгновенно обернулась от двери Лил. – Вас никто не просил вмешиваться в мою жизнь! Я же не мешаю вам делать все, что захочется!

– Да? – презрительно ухмыльнулся лучник, отлично понимая, что сейчас самолично погребет под огромным камнем ненависти все свои прошлые заслуги. – А кто тебя просил гоняться за нами по всем баронствам?

– А ты... – Лил даже задохнулась от обиды и несправедливости и почти придумала едкую фразочку, которой собиралась побольнее ударить наглого наемника, но тут на нее налетела запыхавшаяся Хадина:

– Уф, добежала... Ну как он? Охранники говорят, сам шел, но наверняка сторяча. Я издали увидела – такой огонь, прямо душа оборвалась. Думала, если с ним что случится – своими руками отравлю похотливую гадину.

Травница ловко протиснулась мимо Алильены, сделала пару шагов, рассматривая возившихся возле Инквара друзей. Потом вдруг оглянулась на замершую в проеме девчонку, обернулась и крепко ухватила ту за руку:

– Идем, я тебе зелья капну, есть у меня хорошее успокаивающее.

– Не нужно, – упрямо буркнула Алильена, но вырваться не стала, так и плелась, как на привязи, зло сощурилась и крепко сжав губы.

– Не надо так не надо, тогда просто водички выпей. Гар, сходи за свежей водицей. Дайг, а ты беги ко входу, там Канз с толпой на подходе, их необходимо остановить. Нельзя этого самозванца в дом пускать. Боюсь, кто-то случайно ему проболтался, слишком уж решительно он ринулся на Инка. Слово что-то прознал и амулеты при себе имел вовсе не праздничные... но об этом я буду говорить только с Динером.

Последние слова травница произнесла в спину торопливо уходящему из пещеры лучнику, и не подумавшему ее послушаться. Пальцы Хадины в это время стремительно и ловко делали привычную работу: ощупывали затылок и шею лежащего в забытии искусника, отирали салфеткой потемневшее лицо, попутно приподнимали нечаянному пациенту веки, проверить, целы ли глаза, капали в приоткрытый рот зелье и чем-то душистым растирали виски.

– А ты не сиди без дела, – вдруг оглянулась она на притихшую Лил. – Поищи в поставце чего-нибудь кисленького. Твоему учителю сейчас пить побольше нужно, а потом и перекусить небось захочет. Он ведь, судя по времени, мигом сюда домчался, и правильно сделал. Редкая дрянь этот Канз, не пойму, как ты не рассмотрела? Вроде неглупая девочка.

– А может, мне как раз и нужна была дрянь? – вяло огрызнулась Алильена, посмотрела в округлившиеся от изумления глаза травницы, вскочила и опрометью ринулась прочь.

– Ох ты ж, несчастье какое, – огорченно глянув ей вслед, запечалилась травница. – Как, оказывается, у нее все перепуталось в голове-то! Придется, видно, снова на ночь здесь оставаться, или уже отложить поездку еще на денек?

Инквар очнулся как-то разом, словно выпал из темноты в ярко освещенную комнату. Впрочем, ярким светом показался ему только в первые секунды, чуть позже искусник рассмотрел тонкий шелк, накинутый на шар с магическим светлячком, великую роскошь для такого убежища. Прежде шар находился в кабинете Динера, но когда Инквар с ученицей взялись за лечение наемников, командир принес его сюда и лично повесил над столом.

Рядом с лежанкой Инка дремала в кресле Хадина, и некоторое время искусник задумчиво рассматривал ее осунувшееся лицо и расставленные неподалеку флаконы и бокалы. Потом прислушался к себе, определяя давно выработанным чутьем, какое сейчас время суток, и наконец осознал совершенно точно: часа через два-три начнет светать. Стало быть, валяется он здесь вовсе не несколько минут, как показалось сначала. И наверняка Динеру уже удалось как-то разобраться и с самозванцем, и с последствиями его безумной выходки. Значит, ему, Инквару, нужно как можно скорее выяснить, чем завершилось это дело, так как картинка, сложившаяся у него в мозгу, пока бежал по окутанным мраком тропкам, оказалась очень далека от прежнего представления о самозванце.

– Хадина...

Травница мгновенно встрепенулась, открыла глаза и окинула его таким ясным взором, словно и минуты не дремала на своем добровольном посту.

– Очнулся! Ну слава светлым силам, – негромко произнесла она и светло улыбнулась. – И твоим зельям тоже, само собой. Пить, кушать хочешь? Или умоешься сначала? Дайг тебя проводит.

– А где он? – спуская ноги с лежанки, бегло оглядел комнату Инквар.

– Вон в уголке спит.

– Не сплю, просто задремал немного. – К искуснику, растирая ладонями лицо, уже шел Дайг. – Давай помогу подняться. Выпей бульон да идем к источнику, прогреешься, потом перекусишь. Корзинку я с собой возьму.

– Не пойду, извини, – с сожалением отказался Инквар. – Просто немного умоюсь, у меня сажа в носу. Ты не смог бы к тому времени, как я вернусь, позвать сюда Динера? Очень нужно поговорить. А попутно и перекусим. И еще, где Лил? Больше в этом убежище мы не останемся, на рассвете потихоньку уедем с Хадиной.

– Это ты хорошо придумал, у меня в повозке как раз местечко секретное есть, – похвалила травница. – А Лил в своей комнате, сама схожу позову.

Искуснику послышалась в ее словах то ли какая-то недоговоренность, то ли тайный смысл, но прямо сейчас он ничего не собирался уточнять. Во всем, что касается его ученицы, нужно разбираться очень вдумчиво и осторожно. Настроение девчонки иногда меняется просто стремительно, однако он успел убедиться: намного позже этому обязательно найдутся вполне весомые причины. Но пока Инку попросту не хватало времени ни на расследование, ни на спокойный, откровенный разговор с Алильеной. Первым делом нужно было срочно придумать, как поступить с Канзом.

Из умывальни Инквар вернулся свежим и бодрым, безо всяких сомнений добавив себе магией немного силы, чтобы не дрожали руки и ноги. Все равно ведь придется несколько дней ехать в повозке, успеет отоспаться и восстановить запас магии. Хотя он и так не чувствовал ее недостатка: недавно выученное умение подлечивать самого себя получилось

применить так легко, словно он и не отдал там, возле стрельбища, почти всю накопленную энергию.

– Садись, – позвал его Дайг, сноровисто накрывавший на стол. – Пока они дойдут, успеешь поесть. И еще я хотел тебя спросить, ты не передумал ехать туда, куда звали тебя вчера днем?

– Нет, не передумал, – с интересом глянул на друга искусник. – А ты, значит, в курсе этого предложения?

– Я должен был вас провожать. Но теперь выеду из крепости позднее и нарочно направлюсь в другую сторону, Динер прикроет. А потом сверну, а вы подождете нас в условном месте. Гара я теперь здесь тоже не оставляю.

– Только хвостов не приведи, я тебе на этот случай зелье особое дам, – просто для порядка напомнил Инквар и нехотя признался: – Знаешь, чем больше я думаю, тем сильнее вся эта история мне не нравится.

– Ну вот и мы, – входя в пещеру, бодро отчиталась травница и почти насильно втянула за собой хмурую Алильену. – И вещички сразу собрали, и дорожную одежду надели. Садись перекуси, а то не скоро завтракать придется. А я пойду в свой дом, мне тоже собраться нужно.

– Не хочу, – еле слышно процедила сквозь зубы девчонка, ушла в дальний угол и села на лежанку, небрежно бросив у ног тощий мешок.

Только корзинку с сонным Найдом из рук не выпустила, поставила рядом и, низко наклонив голову, нарочно, чтобы короткие пряди светлых волос упали занавесом, принялась перебирать пушистую шерстку щенка.

– Одна не ходи, возьми провожатого, – строго приказал травнице Инквар, а после ее ухода несколько мгновений исподтишка следил за ученицей.

Проверил, чуть прикрыв глаза, ее магический огонек, отметил его бледность и с деланным безразличием отвернулся к Дайгу, упорно подкладываящему ему мяса. Видимо, лучник был уверен, что искусник выпил зелье скорости и теперь просто стесняется показать, как голоден. Спорить с ним Инку не хотелось, и он неторопливо жевал все подряд, прислушиваясь к шагам в тоннеле. И едва заслышал вдалеке топот двух пар ног, решительно отодвинул тарелку:

– Хватит пока. Лучше скажи, чем закончилось вчерашнее веселье. Только покороче. Куда делся Канз?

– Никуда не делся, – бросив в сторону Лил угрюмый взгляд, тихо произнес Дайг. – Динер отправил его отдыхать, пообещав завтра устроить дознание. Но он где-то достал бочонок меда и отправился вместе с друзьями праздновать свое спасение. Как он утверждает, ты его почти задушил, еле удалось вырваться.

– Ну да, раз я сторел, то кто же опровергнет его слова? – невесело пошутил Инквар, не желая заранее пугать друга своими выводами.

Динер с Гарвелем вошли в комнату торопливо, сразу присели к столу и первым делом налили себе по кружке приготовленного Хадиной взвара.

– Очухался? – разглядывая искусника, просто для порядка спросил командир и успокоенно кивнул: – Это хорошо. А то я уже голову себе сломал, прикидывая, как с ним разговаривать.

– Ты на входы охрану надежную поставил? – пристально глядя на Динера, осведомился Инквар. – Парням наказал не открывать двери, даже если он начнет стучать и умолять о

помощи? Или лучше мне самому пробежать предупредить?

– Сейчас я ничего им не говорил, – помрачнел командир. – Но они же не новички. А про дальний проход он и не догадывается, об этом, кроме меня, знают всего трое.

– Мы с Дайгом сходим, – рассмотрев, как темнеет лицо искусника, тотчас поднялся со стула Гарвель. – Ты отдыхай.

– Нет, я пойду один, – не согласился с другом Инквар и нехотя пояснил: – У него были очень мощные боевые амулеты, таких не делает ни один белый искусник. Я с трудом выбрался, и то лишь благодаря Лил, она недавно научила меня тайному способу своего отца. Вы подождите здесь и никому не открывайте дверь. Для надежности я запру вас снаружи, а когда вернусь, постучу, Дайг знает тот знак.

Решительно оборвал разговор и вышел из комнаты, не желая вслух говорить про почти неслышные, осторожные шаги, опасно приближающиеся с той стороны, откуда, как утверждает Динер, не может прийти никто, кроме самых проверенных его друзей.

Двери искусник прикрывал бережно, словно они были из тончайшего стекла, стараясь ни малейшим шорохом не выдать своего ухода. Теперь, после того как Канз нечаянно показал ему свои истинные возможности, Инквар почти не сомневался в правильности своих догадок. И если бы это имело хоть какое-то значение, мог бы с достаточной долей уверенности предположить, как и когда именно самоучка ступил на тот подлый путь, по которому уверенно идет явно уже не первый день и даже не первый месяц.

Вот только отныне все это больше совершенно не важно. Из всех чувств, какие мог теперь испытывать Инк к самозванцу, оставалась лишь горьковатая, как дым пожарища, печаль. Сожаление о том человеке, каким мог бы стать одаренный парнишка, если бы лет десять назад ему встретился опытный наставник из братства мастеров.

Но теперь уже поздно, яд безнаказанности, замешанный на несправедливой самоуверенности, будет все сильнее разъедать сознание самоучки и все дальше уводить его к пропасти, где сгинул уже далеко не один чрезмерно возгордившийся талант.

Беззвучно вдвинув в паз засов, искусник натянул рабочие перчатки и замотал петли крепкой бечевкой, пропитанной особым зельем. Не самая сильная ловушка, зато единственной она не останется. Инк очень постарается, чтобы у убийцы не осталось ни одного шанса на исполнение его замысла.

Одно из самых главных правил их гильдии прямо гласит: «Если хочешь выжить и помочь своим друзьям, непрерывно наблюдай за происходящим, делай выводы и ищи способ опередить неприятелей. Учись у всех: у природы, у друзей, у случайных встречных и обязательно у врагов. Ведь у сильных людей и противники обычно далеко не просты, и нет никакого бесчестья в том, чтобы перенять их знания. Разумеется, не затем, чтобы добиваться с их помощью тех же грязных целей, – наоборот. Если знаешь состав яда, легче сделать противоядие, если изучил оружие врага, намного проще приготовить от него защиту».

К тому моменту как опасливые шаги миновали горячий источник и переместились в тоннель, ведущий напрямик к проходу в серый дом, искусник успел убедиться в своей ошибке.

Шпион был не один. По звуку шагов постепенно стало абсолютно ясно – их двое. Сначала делал несколько шагов тот, чья поступь была легче, и к мягкому, неуверенному шарканью его подошв добавлялся шорох плаща или накидки. Пройдя немного, первый замирал, видимо, озирался, потом подавал сигнал, и тогда его догонял второй. Вот этот шагал тверже и увереннее, и железные подковки на его каблуках размеренно позвякивали о

каменный пол.

«Наглец», – поставив последнюю ловушку, прошипел про себя Инквар и скользнул в глубокую узкую расщелину, через несколько шагов заканчивающуюся тупиком.

Он не боялся оказаться замеченным: старенькая накидка, с ловкостью фокусника извлеченная из кармана и наброшенная на голову, никогда еще его не подводила. Но на всякий случай приготовил пару сюрпризов, которые могли бы остановить и признанного мастера-искусника.

Мягкие, осторожные шаги первого шпиона раздались совсем рядом, на несколько секунд стихли, потом незнакомец прошел дальше, обдав замершего мышкой Инка знакомым цветочным ароматом дамских духов. Так пахла только одна из женщин, которых искусник видел вчера в доме Динера, и узнавание ударило его неожиданно острой болью. От кого угодно он мог ожидать подобного предательства, но только не от нее, и это меняло многое, хотя и не все.

Отказываться от борьбы с этими двумя Инквар по-прежнему не собирался, но вот придуманный план теперь просто обязан был изменить.

Металлические набойки процокали мимо, шлейфом пронеся за собой тяжелый запах перегара, затем лазутчик остановился в нескольких шагах от расщелины, где затаился искусник. Явно выжидая, пока женщина разведает для него очередной участок прохода, – и это подлое, совершенно не мужское поведение самоучки заставило Инка брезгливо поджать губы. Во всем он оказался гниловат, даже в таких вот мелочах, этот смазливый на вид парень.

Сейчас искусник действовал со всей возможной предосторожностью и сначала тщательно проверил Канза браслетом. Карманы подлеца снова оказались полны светящихся разноцветными огоньками амулетов.

«И когда только успел собрать такие запасы?» – подивился про себя искусник, начиная постигать со всей очевидностью – ради достижения собственных целей Канз не брезговал никакими способами.

Дождавшись, пока лазутчики отправятся дальше, Инквар бесшумной тенью выскользнул в тоннель. Некоторое время они двигались в сторону потайного лазарета втроем, дружно шагая в ногу и одновременно замирая на месте, как только останавливалась проводница. Она уже поймалась в самую простенькую следящую ловушку, какие искусник ставил на тот случай, если кому-то из шпионов чудом удастся от него сбежать.

И теперь подошвы предательницы, в которые мгновенно впиталось магическое зелье, светились перед магическим взором искусника еле заметным рыжим светом. Немного позже он непременно расползется по всей одежде и телу и несколько дней будет сиять для Инквара на расстоянии в несколько лиг.

А женщина тем временем уже добралась до засова. Обнаружила оплетающие его шнурки и как-то приуныла. Даже лишний раз оглянулась на Канза в ожидании указаний, но самоучка резко махнул рукой, подавая всем понятный сигнал. Наводчица безропотно принялась распутывать хитрые узлы, не догадываясь, как желчно ухмыляется Инквар, предвкушая дальнейшее развитие событий.

Зелье должно было подействовать уже через несколько секунд, и тогда Канз может выбрать только один из двух путей – начать помогать своей сообщнице и оказаться в ловушке вместе с ней или повернуть назад и попасть прямо в руки искусника. Уже приготовившего в ожидании самозванца несколько игл и маленьких кинжальчиков, щедро смазанных парализующим зельем.

Движения проводницы становились все неувереннее, но Канз упорно молчал, ожидая непонятно чего. Лишь несколько раз оглянувшись назад, очевидно, прикидывая, успеет сбежать или нет, и снова замер, держа наготове какой-то амулет.

– Не могу, – наконец сдалась Тамилья и, обреченно простонав, сползла по двери вниз.

Канз, по-видимому, до последнего момента рассчитывавший на успех, раздраженно прошипел несколько грязных ругательств, сунул амулет в карман и выхватил из-за пояса длинный кинжал. Скверное подозрение возникло у Инка внезапно, но в первый момент он не поверил интуиции, счел большим бредом. Нужно быть последним гадом, чтобы обидеть такую женщину, особенно если ради тебя она предала обожающего ее мужа.

Но когда добежавший до двери самоучка вместо того, чтобы перерезать шнурки, отвел руку назад и замахнулся на Тамилью, в душе Инка что-то словно перевернулось. Он и сам не понял, когда успел вырастить позади согнутой фигуры негодяя огненный шарик и резко швырнуть его Канзу чуть ниже спины.

Внезапный удар отбросил самоучку на несколько шагов, и он, не удержавшись на ногах, глухо стукнулся коленями о камень, но подозрительно быстро поднялся. Видимо, ради успеха этой прогулки не пожалел дорогих зелий силы. И теперь Канз очень ловко, почти как бывалый воин, отскочил в сторону, разворачиваясь в прыжке лицом туда, где внезапно обнаружился невидимый враг. Попутно подлец попытался выхватить из карманов кучку до отказа напоенных магией боевых амулетов.

Однако добраться до них так и не сумел.

Шквал отравленных длинных сапожных игл и дротиков обрушился на самозванца неумолимым отмщением за всю боль и горе, причиненные людям, которых Инквар ценил и уважал. От себя за едва не выжженные глаза он добавил парочку огненных шаров, нарочно целясь в пышную, ухоженную копну вьющихся волос. И когда они вспыхнули и завоняло паленой шерстью, искусник не испытал ни малейшего угрызения совести, обычно неумолимо сверлившей его, если Инквар нечаянно слишком сильно наказывал навязавших ему драку забияк. Трактирных выпивох, рыночных воришек или наглых толстомордых вышибал в городских управах и дорогих гостиницах.

Почти половина игл и дротиков сгорела во вспышках защитных амулетов Канза, и чтобы достать врага наверняка, искусник немедленно отправил в него вторую партию отравленного оружия. Хотя уже почуял, как пару раз дрогнули окружающие самозванца щиты. Теперь ему оставалось лишь выждать несколько секунд, пока зелье подействует, да проследить, чтобы Канз не подобрался ближе к своей сообщнице.

Тот, словно прочтя мысли невесты откуда взявшегося замотанного в лохмотья мстителя, вдруг упал на колени и, не выпуская из руки звякавшего о камни кинжала, резво пополз к лежащей ничком женщине. Инквар с ненавистью стиснул зубы, собрал последние силы и швырнул в негодяя еще один огненный шар, теперь стараясь попасть ему в грудь. Самозванца снова отбросило, его нарядная рубашка и куртка занялись огнем, и Канз вдруг завизжал, тонко и пронзительно, как дикий подсвинок.

И пока он, потеряв оружие, все медленнее катался по полу, сбивая ладонями язычки пламени и перемежая мольбы о помощи матросской руганью, Инк торопливо срывал с засова шнурок. Сунув его вместе с перчатками в карман, подхватил на руки спящую предательницу и, распахнув дверь, шагнул в пещеру под настороженное молчание присутствующих.

– Милья?! – неверяще вскрикнул Динер, мигом узнав безвольно обмякшую в руках Инквара женщину, и, роняя стул, бросился к ней, разом забыв про все предостережения искусника. – Миль! Что с ней?

– Пока просто спит, – не выпуская Тамилью из рук, стремительно уклонился от командира Инквар. – Подожди! Ее нужно осмотреть... она привела сюда Канза.

– Где эта гадина?! – мгновенно свирепея, ринулся Динер к дверям убежища. – Разорву своими руками на клочки!..

– Дайг! – повелительно крикнул искусник.

Но наемники уже и сами догадались, бросились к командиру, вцепились в него с двух сторон, пытаясь достучаться до разума, поглощенного одним-единственным стремлением – уничтожить того, кто осмелился обидеть его солнышко, его душу.

Понемногу тесня Динера к столу, Гарвель бормотал ему что-то успокаивающее своим чарующим голосом, а Дайг торопливо копался в карманах, ища какое-то зелье. Инквар, положив Тамилью на одну из кушеток, опустился рядом с ней на колени, поднял рукав, проверяя артефактом надетые на женщину амулеты.

И только Лил сидела бесчувственной куклой, сжимая пальцы на загривке сладко спящего щенка. Однако Инк отметил про себя плеснувший в него теплый комок магии и довольно усмехнулся: не такая уж она злая и бесчувственная, какой хочет сейчас казаться. И значит, о девчонке пока можно не беспокоиться и решать остальные, внезапно навалившиеся тяжелой кучей проблемы.

– Динер! – окликнул он негромко, тем самым «значимым» голосом, каким говорил только с бандитами и тяжелобольными. – Иди сюда, мне срочно нужна твоя помощь.

Тот на миг замер, выдирая разум из затопившей его ненависти, очень быстро осознал смысл сказанного искусником и ринулся к нему, увлекая висящих на локтях наемников.

– Силен, – отпустив командира, с уважительной усмешкой бросил Дайг. – Инк, а что делать с тем...

– Ничего. Он уже спит. Пригляди лишь, чтобы не сторел дотла. Попозже принесем сюда, я обыщу, там полно сюрпризов. Динер! Не тронь ее руками! Просто посмотри, все амулеты тебе знакомы?

– Да, – еще неуверенно пробормотал командир. – Этот от огня, этот от ядов... а вот это чужое!

Он возмущенно взревел и попытался вцепиться в широкое кольцо с изумрудным кастом. И тут же, зло зашипев, отдернул палец, украшенный быстро набухающей капелькой крови.

– Динер! – сердито прикрикнул искусник, крепко перехватывая руку, которую тот по-детски потянул к губам. – Я тебя не узнаю! Или ты перепил сегодня меду?

– Прости, – стиснув зубы, мрачно повинулся тот, следя, как искусник ловко выдавливает кровь из его пальца, мажет ранку мазью и торопливо капает в кружку какое-то зелье. – Всегда дурею, если с ней что-нибудь... А вина я сегодня не пил. Да и вообще никогда не пью при всех. Изредка, дома, в праздник, под грибочки... Но такого кольца у нее никогда не было, точно знаю. Милья не любит украшений, носит лишь защитные, и я сам их ей покупаю.

– Выпей, это противоядие, – сунул ему в руку кружку Инквар и принялся торопливо копаться в карманах, собирая все необходимое и стараясь пока не доверять робко подавшей

голос надежде.

Достав перчатки и инструменты, вначале он склонился над рукой своей пленницы, внимательно изучая странную драгоценность. Работа искусника, без всяких сомнений, и особые отметки для посвященных оставлены. А еще хитрый замочек, не дающий снять кольцо, если неизвестен его секрет. Маленькие шипы мгновенно вылезают и на внутренней, и на наружной поверхности ободка, доставляя острую боль окольцованному и чувствительно раня того, кому пришло в голову покуситься на чужое украшение. И пока непонятно, только ли раной отделается простак или получит смертельный яд.

«Проще отрезать вместе с пальцем», – мрачней, пояснил сам себе Инквар и осторожно просунул под кольцо тонкую, скругленную лопаточкой пластинку. И тотчас с досадой поморщился, рассмотрев выступившую из-под ободка свежую кровь. Выходит, все неверно он сначала понял... Тамилья вовсе не была Канзу просто соучастницей.

И хотя искуснику пока непонятно, зачем она встречалась с самозванцем глубокой ночью и вообще впустила его в дом, когда нет мужа, но уже не грызло душу разочарование в собственном умении разбираться в людях.

– Тьма, – громко скрипнул зубами Динер, тоже рассмотревший эту кровь. – Я его все равно убью.

– Ты лучше думай о хорошем, – буркнул Инк, опасливо поворачивая камни согласно тайным намекам, оставленным, судя по все крепнущим подозрениям, темным собратом. – Возможно, твоя жена всего лишь жертва.

– Ну разумеется, – уверенно кивнул командир, всмотрелся в угрюмую ухмылку искусника, помрачнел и убежденно проговорил: – Запомни, я никогда не поверю в предательство Мильи, даже если на нее покажет сотня свидетелей. Слишком хорошо ее знаю, мы многое перенесли вместе. И уверен, она шла сюда вовсе не от страха или боли... но ты же ее разбудишь? Пусть расскажет сама.

– Разбужу, – хмуро пообещал Инквар и виновато предупредил наемника: – Хотя после этого ей придется пару дней полежать в постели и пить зелье, я свое оставляю.

Не любил он принудительные пробуждения с помощью магических снадобий, не шли они на пользу здоровью. Но сейчас для всех важнее всего выяснить истину, и если угроза так велика, как начинает подозревать искусник, то нужно непременно попытаться ее предотвратить.

Неслышно щелкнул, вставая на место, последний штырек, и кольцо раскрылось, как раз под кастом, искусно прикрывавшим секретный запор. Инквар бережно освободил распухший, вымазанный кровью палец, смазал целебной мазью маленькие ранки и ловко обвязал полоской полотна. Потом капнул на губы женщины бодрящее зелье и принялся рассматривать выгравированные на внутренней стороне украшения знаки. И всего через минуту был абсолютно уверен в самых худших своих предположениях.

– Это кольцо, – показал он маленькую шкатулку, куда аккуратно спрятал доказательство своих слов, – сделано искусником, живущим в плену. Я не имею права показывать вам приметы, по каким я это понял, да это и не главное. Важнее другое. Хозяева, на которых вынуждены работать сильные мастера, никому не продают их поделок. Никогда. Слишком они неповторимы и дороги. Их могут лишь дать на время надежным слугам или наемникам, и только ради очень важного дела. Дайг, возьми одеяло, поможешь принести вашего самозванца. Гарвель, убери со стола, мне нужен свет, он умеет прятать в своей одежде разные сюрпризы.

Друзья молча исполнили его просьбы, а Динер, присевший рядом с женой, казалось, забыл обо всем на свете. Но когда Инквар с лучником принесли на одеяле пахнущего гарью самоучку и искусник принялся неторопливо раздевать его, педантично проверяя каждую вещичку и каждый узелок, командир как-то невпопад поинтересовался:

– Ты считаешь, Миль должна всем рассказать, как привела его сюда?

– Посоветуемся, – не отрываясь от работы, буркнул Инквар. – Но теперь могу уверенно сказать: это кольцо было у Канза не единственной из таких вещей. Я еще не считаю того заклятия, которое меня чуть не задушило, и необычайно сильных боевых амулетов. Ведь у него их была целая горсть, да и сейчас тоже предостаточно. Сам знаешь, даже те, которые можно иногда найти в лавках редкостей, стоят огромных денег. У вашего самозванца столько просто не могло быть, вы же экономите и никому не платите больше, чем ходящим с обозами.

– Ему выдавали на покупку драгоценных камней, – угрюмо припомнил Динер и яростно скрипнул зубами. – Но ты совершенно прав. Я упустил его... считал слишком молодым, думал, скоро повзрослеет, возьмется за ум. Ведь поначалу казался неплохим парнишкой.

– Он с самого первого дня был чрезмерно гонорист, – не согласился Дайг. – Просто ты слишком радовался, что у нас появился свой мастер. Да и мы тоже, чего уж там говорить.

– Я закончил, можете взглянуть, только не прикасайтесь, – объявил Инквар, заматывая валяющегося в одном исподнем Канза в одеяло. – А этого пока можно положить в уголке.

– Не проснется? – подхватывая негодяя, деловито осведомился Гарвель.

– Руки и лодыжки я ему связал, сна добавил, – успокоил искусник, беззлобно усмехаясь.

На их месте он сейчас и сам никому бы не доверял. Ведь всегда сильнее всего задевает предательство тех, на кого раньше полагался, как на себя, и кому долг велит быть добрыми и честными, заботливыми и великодушными.

– Ну и где его амулеты? – Динер осматривал усыпанные камнями золотые перстни, браслеты, ожерелья и медальоны дотошливо, как в лавке, и видно было, как хочется ему подержать их в пальцах, взвесить на ладони тяжесть камней и металла, и, может, даже попробовать на зуб. – Все от черных искусников?

– Нет, только два, не считая кольца. Вон тот браслет, в нем отвод глаз и щит, и ожерелье. Это вообще редкая вещица, камни можно снимать и добавлять в другие амулеты. Судя по знакам, их было шестнадцать, но четыре он уже снял. И теперь мне интересно... у вас не бывало случаев, чтобы Канз попал в засаду и разметал бандитов собственноручно усиленным амулетом?

– Было, – кивнул Дайг и оглянулся на побелевшего командира. – Три раза и было. А четвертый он не мог вчера добавить?

– Вполне, – вздохнул Инквар. – Но утверждать не стану. Только одно заклинание было мне неизвестным и очень гадким, самое первое. А потом он кучей бросил все оставшиеся амулеты, и теперь только от него самого можно узнать, что там было намешано. А пустышки он наверняка потребовал собрать и отдать ему. Но сейчас важно вовсе не это, меня больше волнует другое... Вы ведь всем говорили, будто он признанный искусник, и пытались всеми силами поддерживать его авторитет. Даже подлогом. Я не хочу вас обвинять, вы хотели как лучше. Но теперь, когда станете его судить, вам придется признаться в собственной лжи. Иначе ваши воины так и будут всех искусников мерить по Канзу, а вот этого я допустить не могу. Мы не зря много лет учимся не столько ювелирному делу и разным видам борьбы, сколько чистоте помыслов, справедливости и состраданию. Я знаю, многие назовут мои

слова высокопарными, а некоторые сочтут смешными, но это их мнение. Мне учитель убедительно доказал правоту и важность наших правил, и отступать от них я не намерен. И буду защищать честь своих собратьев по ремеслу, даже если вы будете против.

– Но, Инк... – помолчав, испытующе глянул на него Гарвель. – Динер ведь хороший командир. А если пострадает его авторитет...

– Почему он должен пострадать? Я как раз уверен в обратном. Если все объяснить людям правильно, они станут уважать его еще больше. Поэтому и собираюсь остаться на суд... под чужим обликом. Якобы приехал искусник из крепости главы гильдии, думаю, никто из ваших воинов не знает их в лицо. И постараюсь направить разговор по нужному пути. А после суда заберу Канза. Какое выбрать ему наказание, будут решать старшие мастера. А сейчас помолчите, Тамилья просыпается. Динер, надеюсь на твое благоразумие.

Командир наемников мрачно засопел – давненько никто из соратников не осмеливался разговаривать с ним подобным тоном, но смолчал. Куда деваться, сам во всем виноват. Слишком много воли дал заносчивому мальчишке, смотрел сквозь пальцы на его гулянки и кобелиные проделки. Считал, со временем это пройдет, кому по молодости лет не была в голову шалая кровь? И как-то прозевал тот момент, когда мелкий пакостник превратился в крупного негодяя, готового, как выяснилось, ради своих прихотей и на убийство и на подлость.

– Где он? – Едва приоткрыв глаза, Тамилья оглядела всех вокруг обеспокоенным взором. – Дин, останови его! Ему нужна та девушка, травница... мы шли сюда за ней.

Женщина схватилась рукой за горло и закашлялась, и Инквар сильнее стиснул зубы, заметив на ее запястьях наливающимися чернотой свежие следы от чьих-то грубых пальцев.

– Милья, – хрипло простонал Динер, рассмотревший синяки ничуть не хуже искусника, – как ты оказалась с ним?

– Точнее, зачем пустила в дом? – перебил командира Инк.

– Так мы же сегодня ночуем в большом доме, – слегка растерялась Тамилья. – А у Канза там тоже есть комнатка. Вот и начал стучать среди ночи, звать Дина. Ему же никто не может запретить.

– Но ведь можно было не открывать, – строго заявил искусник, поглядывая на амулет истины. До сих пор жена командира не сказала ни слова неправды.

– Я говорила ему, что Дин уже спит, но он велел немедленно разбудить, – пояснила Тамилья и виновато глянула на мужа. – Якобы Дин сам велел срочно принести какой-то амулет. Я отперла двери и велела положить шкатулку на стол, а он достал кольцо и приказал при нем отнести мужу. Пришлось сказать, что Дин ушел проверить посты.

Женщина вдруг всхлипнула, и Динер отозвался на этот звук звериным рыком. Бесцеремонно отодвинул Инквара, стиснул жену в объятиях, пряча ее лицо у себя на груди, принялся шептать какие-то слова утешения.

Искусник ушел к столу, тяжело опустился на стул и задумался. Дело оказалось проще и сквернее, чем он предполагал.

– Никуда не отпускаю подлеца, лично буду резать на мелкие клочки... – расслышал он обрывки кровожадных посулов командира и невесело усмехнулся.

Спору нет, Динер имеет на это полное право, жены и дети воинов в таких поселениях – это самое святое, многие именно ради них каждый день бросают на кон судьбы свою жизнь и здоровье. Но вот сам Инквар теперь не может позволить командиру ничего подобного и с этой минуты будет носиться с гаденышем, как с драгоценным артефактом, выкопанным в

заброшенном городе. Самозванец слишком много и многих знает, чтобы не попытаться вытянуть из него эти сведения.

– Дин... – еле слышно успокаивала мужа Тамилья, и искусник четко слышал каждое слово, но вовсе не собирался в этом признаваться. – Ничего он мне не сделал, времени у него было мало. Вот языком гадости болтал и лапоть попытался, но я дала по морде. Тогда он вывернул мне руку и надел свое кольцо. И все сразу стало каким-то тусклым, неинтересным. Я все понимала, но спорить не могла, исполняла все приказы. Помнишь, я однажды назвала его пакостником? Я ошибалась, он страшный гад. Но самому тебе убивать его нельзя, ты же командир. Нужно судить, и я сама встану перед судом, все расскажу.

– Спасибо, – тихо произнес искусник, с признательностью глядя на женщину, и она вдруг застеснялась, плотнее запахнула на груди темный плащ.

Инк расстроено выдохнул и отвел взгляд, лишь теперь сообразив, почему звук ее шагов был шаркающим. Канз даже не догадался переобуть свою пленницу, так и вел по убежищу в растоптанных домашних туфлях. Да и под этим плащом на ней ничего не было, кроме ночной сорочки и второпях накинута шали, просто Инквар сразу не придал этому значения.

Следовательно, Канз и в самом деле вначале хотел захватить не ее, а Динера, потому и кольцо заранее сделано раздвижным... Темная сила! Значит, им с Лил нужно уходить немедленно, и, разумеется, сначала объяснить все друзьям. Никто не должен сомневаться в серьезности причин, вынудивших его пойти на такой шаг.

– Ну вот и я... – Вошедшая в комнату Хадина обвела смолкших наемников внимательным взором и сразу нахмурилась: – Что-то случилось?

– Канз, – невесело ответил Инквар, указывая ей на место напротив себя. – Это хорошо, что ты здесь, вместе легче решать, как действовать. Сейчас я тебе все поясню, как понял сам. Канз вчера вечером не случайно шел на праздник с полными боевых цацек карманами, а действовал по точному плану. И придумал его вовсе не сам. Как оказалось, он давно работает шпионом на всем известного господина, который желает видеть мою ученицу в своем дворце. Все это самоучка вам расскажет и без меня, зелье правды я оставляю, вот оно. Но если раньше я хотел устроить суд прямо с утра, то теперь считаю это неразумным. Где-то неподалеку от убежища, место которого, как вы теперь понимаете, давно уже не тайна для наших врагов, сигнала Канза должны ждать ловцы. Упустить девушку еще раз они просто не могут, хозяин наказывает нерадивых слуг очень жестоко. Как я подозреваю, ждать они будут недолго, самое позднее до вечера. Вполне возможно, начнут действовать уже в обед. Мне очень не хочется, чтобы сбылись мои подозрения, но я привык смотреть правде в лицо. Скорее всего ловцы уже захватили кого-то из ваших людей и намерены потребовать нас с Анни в обмен на них. Но я для всех погиб, и, кроме Канза, это может подтвердить любой. Остается решить, как вам поступить. Есть три пути. Попытаться захватить их первыми или отдать им Анни, а потом снова отбить. Ну и последний – мы уйдем прямо сейчас, а вы отдадите им Канза, который будет убежден, что Анни сбежала из убежища еще вечером. Якобы сильно расстроилась из-за смерти учителя. Все ведь видели, как она мчалась к серому дому. Разумеется, каждый план имеет свои слабые стороны, но в третьем случае можно попытаться убедить барона, что Анни тут нет, подбросив ему сведения из какого-нибудь ближайшего городка. Но во всех случаях вам придется усилить охрану стен и ворот и искать для наемников другие безопасные тропы. Ловцы и ночники будут теперь постоянно пастись поблизости.

– Я только одного не понимаю, – мрачно глянул на Инквара Гарвель. – Почему он не увел к ловцам Тамилью? Ведь знал, как Дин ею дорожит.

– А разве наемники выпустили бы его с ней? Он ведь с пьяных глаз даже одеться ей не дал, в домашних туфлях по грязи повел. Часовые не могли этого не заметить, подняли бы тревогу. Ну а прорываться отсюда с боем далеко не просто. Думаю, Тамилья права, и Канз собирался увести самого Динера, вот вместе с командиром стража выпустила бы его беспрекословно. А позже наемники отдали бы за Дина и нас и вас в придачу. Поэтому когда захватить командира не удалось, он срочно поменял план, решив с помощью Тамильи сразу увести тайным проходом Анни. Не самая лучшая идея, но пьяная отвага и жадность – плохие советчики. Канз уже считал обещанную за Анни награду своей и не желал делиться с ловцами. А с ним самим Динер после похищения жены никогда бы не стал вести никаких переговоров.

– Я за второй план, – внезапно заявила Лил. – И не нужно меня потом отбивать. Надоело всюду приносить одно горе.

– Это плохое решение, – жестко глянул на нее лучник. – А ты сегодня вообще должна помалкивать.

– Дайг, ты сейчас тоже не прав, – устало выдохнул Инквар, потер виски и попросил: –

Не обижайся. Лучше думайте, как поступить.

– Я согласился бы на третий план, – тяжело посмотрел на искусника Динер. – Но выпустить своими руками этого гада из ворот не смогу.

– И зря, – коротко усмехнулся тот. – Неужели ты считаешь, будто я могу позволить ему уехать в какой-нибудь замок и спокойно усиливать зелья, которыми будут поливать моих друзей?

– Значит, ты не собираешься сразу уходить далеко, – задумался Гарвель. – Тогда почему бы нам не выбрать первый план?

– Чтобы не оказаться через пару декад в глухой осаде, – терпеливо пояснил наемникам Динер, уже успевший оценить все варианты. – Инквар правильно рассчитал. Если мы нападём первыми, враг сразу поймет, что нужные ему люди у нас. И нагонит кучу черных искусников и опытных воинов. На их стороне будут неограниченные возможности и время, а мы с каждым днем станем жить все труднее. Разумеется, гильдия нас не бросит, пришлет наемников, но стоят ли их жизни и здоровье призрачной радости от такой победы? Мы пока не настолько сильны, чтобы в открытую вставать против баронов и градоначальников, хотя вполне можем сильно попортить им кровь.

– Тогда мы собираемся и уходим. Хадина, вот тебе зелья, сама разберешься. Разбавляй один к семи, разлей по флаконам и послушай моего совета – поживи здесь хотя бы месяц. Ты же сама понимаешь, ловцы прочно связали твоё имя с нами, мне очень не хочется, чтобы тебе пришлось пожалеть о нашем знакомстве. Гарвель, на тебе Канз. Вот зелье, дашь ему утром с водой три капли, и пять минут можете говорить все, что захотите. Но постарайся, чтобы новая память не сильно противоречила его собственным воспоминаниям и желаниям, иначе он начнет сомневаться и мямлить, и ему никто не поверит. Тамилья, прости меня. Я сразу не понял, что ты под принуждением, и рад, что мои подозрения не оправдались.

– Да я и не обижалась. Только об одном жалею... – открыто взглянула на него женщина. – Зря поверила Наните. Нужно было мне идти в правую дверь, все девушки в безумном восторге.

– Учти, еще слово – и я начну ревновать, – притворно нахмурился Динер, снял с пояса кошель с золотом и сунул Инку: – Возьми. Этого должно хватить на несколько дней. Вот карта, смотри: в этом селе третий дом от реки по правой стороне. Не ошибешься, там забор терновый, нестриженный. Дом почти не видно с улицы, но заходить лучше с огорода. Возьми кольцо, это пароль, ничему другому там не поверят. Туда за вами придут.

– Спасибо. – Инк распихал все по карманам и подхватил свой мешок. – Дайг, проводишь? Гар, я не прощаюсь... встретимся. Анни, идем. Ты Найда берешь или тут оставишь?

– Лучше отдай мне, – мягко сказала Хадина. – Хотя бы на время.

– Нет, – резковато отказалась Лил, забросила за плечо котомку и направилась к двери. И, уже шагнув за порог, не оглядываясь, хмуро буркнула: – Прощайте.

По тоннелям, ведущим от горячего источника в сторону диких холмов, беглецы шли молча: не располагает быстрая ходьба по узким и кривым, а порой и низким проходам к дружеским беседам. Впрочем, спутники Инквара подчеркнуто не разговаривали между собой, даже по необходимости старались обращаться через него. Искусник делал вид, будто ничего не замечает, да и не было у него сейчас ни сил, ни времени разбираться в их ссоре. Он уже твердо решил поговорить с ученицей, как только выдастся свободная минутка. Их отношения зашли в тупик, и молчать дальше было просто опасно; судя по представлению,

устроенному Лил вечером, девчонка на грани. И если она сорвется, то непременно натворит непоправимых бед, и в первую очередь для себя самой. Одаренные люди в несколько раз чувствительнее и ранимее тех, для кого магия – это всего лишь амулеты и зелья в лавке алхимика.

Инк пока не знал, как именно устранит эту загвоздку, все зависело от ответов Лил, но не собиравшись откладывать разговор даже на день, особенно теперь. Вполне возможно, им придется сражаться, а в бою очень важно знать, кто у тебя за спиной, преданный помощник или затаивший обиды случайный спутник.

– Вот и выход, – тихо возвестил наконец Дайг, отодвигая неподъемный на вид камень, оказавшийся искусно замаскированным под скалу чурбаком. – Сначала идите наверх, внизу тут крутой обрыв. Шагов через сто слева будет звериная тропка, вот оттуда все время на север, до ручья. Я с вами не пойду, скоро рассветет. Пока вернусь – склон будет на солнце, а это место хорошо видно с наших башен.

– Спасибо, – стиснул его плечи Инквар. – И до встречи. Возвращайся, тебе нужно хоть немного отдохнуть, вас ждет нелегкий денек.

Лучник в ответ хлопнул его по плечу, прицепил к поясу Инка свои ножны с дротиками и скрылся в расщелине, тщательно задвинув за собой хитрую дверь.

– Давай Найда, здесь склон крутой, – забрал из рук девушки корзину мастер. – И шагай вперед, но поглядывай по сторонам.

– Можно подумать, – впервые за последний час буркнула девчонка, – ты сам не будешь внимательно слушать и смотреть.

– Буду, – не стал спорить искусник. – Но я пока еще неважно себя чувствую и могу что-нибудь пропустить. Как только дойдем до укромного местечка, передохнем и поедем. И еще... нам нужно серьезно поговорить. Я давно собиравшись, но пациенты занимали все время.

– Однако на девушек ты нашел полдня, – зло огрызнулась Лил и тотчас осеклась: – Извини... не мое это дело.

– Меня Динер попросил, – укоризненно бросил ей в спину Инквар. – Как я мог отказаться? К тому же его наемники и так считали нас дармоедами, откуда им было знать правду? Но поговорим обо всем позже, а сейчас пообещай мне быть поосторожнее.

– Ладно, – помолчав, нехотя выдавила девчонка, и сердце искусника на миг замерло, обливаясь страшным подозрением.

Никогда еще на вежливую просьбу Лил не отвечала ему так мрачно. Как вовремя он, оказывается, спохватился – ведь едва не прозевал ученицу, увлекшись помощью новым друзьям. И это вполне объяснимо, слишком давно он мечтал о месте, где живут только свои и можно не опасаться алчных торговцев и безжалостных ловцов.

Но, несмотря на все это, для искусника, взявшего на себя ответственность за ученика, такая небрежность совершенно недопустима. Только самоуверенные профаны, нагло именующие себя учителями и берущие в обучение не два или три ученика, а более пары десятков подростков, могут потом рассказывать о дурном влиянии на них родителей и приятелей.

Однако подобное нахальство и легкомысленность непозволительны одаренным мастерам, подчиняющимся правилам и законам искусников. Никому из братства тех, кто посвящен в тайны магии, никогда не хватило бы совести нести подобную чушь. Все мастера точно знают одно: если ты решился взяться за нелегкий труд наставника, то во что бы то ни

стало обязан воспитать из подопечного настоящего искусника.

А у Лил уже был замечательный учитель, который вел ее по этой тропе с раннего детства. И разрушить все то, что создал Тарен Базерс, как и допустить, чтобы ученица натворила каких-нибудь глупостей, Инквар не имел никакого права.

Он шагал за девчонкой след в след, приглядывая больше за ней, чем за тропой и окружающими убежище холмами. Хотя в это утро им повезло, с рассветом на ущелья спустился густой туман, утопивший в своих белесых клочковатых пластах всю долинку, где располагалась тайная крепость наемников.

Алильена не оглядывалась и разговаривать не пыталась, но по ее напряженной спине Инквар видел, как бдительно следит девчонка за окрестностями. И, разумеется, за ним самим, в этом он убедился, сделав несколько простых проверок. Потому и сам после этого наблюдал за ученицей, не спуская с нее глаз, постоянно держа наготове свитый из воздушных струй щит, новинку, которую изобрел, вспоминая о вечерней битве с Канзом.

И когда они наконец добрались до ручья, вьющегося меж валунов и густых зарослей орешника, искусник рухнул на первый показавшийся ему удобным пригорок почти без сил.

– Инк? – недоверчиво оглянулась девчонка, присмотрелась внимательнее и сердито засопела, заметив испарину на побледневшем лбу учителя. – Почему ты не остановился раньше?

Теплый комок энергии мягко ударил в позвоночник, но Инквар протестующе поднял руку:

– Хватит. Ты и так уже ночью мне добавляла. Я сейчас немного отдохну, перекушу и буду как новенький.

Говорить ей о том, куда потратил магию, он не собирался, пусть лучше немного его пожалеет. Насколько он помнит, влюбленные девушки просто обожают ухаживать за заболевшими возлюбленными и становятся в такие моменты намного добрее и откровеннее. А ему сейчас очень нужна ее чистосердечность, чтобы понять, как действовать дальше.

– Тогда давай продукты, – подступила к нему Лил, и Инквар беспрекословно достал из мешка приготовленную Хадиной корзинку.

А через несколько минут лежал на кучке веток, накрытых куском тонкой, но теплой кошмы, и задумчиво наблюдал, как ловко девчонка разжигает небольшой костерок и нанизывает на прутик колбаски и куски мяса. Похоже, их совместное путешествие пошло ей на пользу, она все делала именно так, как сделал бы он сам.

– Отвар ты приготовишь? – Лил оглянулась, посмотрела на Инка чуть дольше, чем требовалось для получения ответа, и вдруг заявила: – А за самоучкой я пойду одна. Есть у меня надежный способ...

– Нет, – твердо отказал Инквар. – И не спорь. Лучше скажи, чего вы с Дайгом не поделили?

– Ничего, – сразу замкнулась девчонка. – Вот мясо. Ешь.

– Ты тоже ешь и не торопись, времени еще много. Я ту сволочь пометил, теперь всюду найду. Сейчас он еще с места не тронулся, я присматриваю.

Некоторое время Алильена безучастно жевала все подряд, запивая чуть теплым отваром, налитым из фляжки, потом снова глянула прямо в глаза Инка и презрительно усмехнулась:

– Понимаю, ты мне не доверяешь. Думаешь, я сдамся им и отправлюсь к дяде?

– Нет, так я не думаю, – уверенно качнул головой искусник. – Просто оставил ему тайный приказ, когда усыпил там, в тоннеле. И теперь мне достаточно позвать, чтобы он

срочно полез в кусты. Тогда у меня еще не было никакого плана, я сделал это просто так, на всякий случай, ведь никогда не знаешь, какие зелья пил твой враг и в какую реакцию с твоими собственными снадобьями они вступят. Впрочем, кому я рассказываю? Отец тебе небось сто раз это повторял. Дай еще кусок хлеба... спасибо. Ну а теперь давай поговорим о вчерашнем случае или о чем-нибудь другом. Ты сегодня меня упрекнула, что я потратил время на лицедеек, и совершенно права. Я действительно виноват, нужно было взять тебя с собой, прости. И если у тебя есть ко мне еще какие-то вопросы, лучше все их обсудить прямо сейчас...

– Инк! – зло прервала его ученица. – Прекрати объясняться со мной, как с больной. А Дайг правильно на меня рассердился, я тебя ударила... сильно.

– Куда? – заинтересовался искусник. – По голове?

– По щеке! В тот момент мне страшно хотелось тебя отлупить... Ну и почему ты так веселишься?

– Нет, я не смеюсь, – поспешил успокоить ее искусник. – Просто я тебя понимаю.

– Да? – желчно ухмыльнулась Лил. – Как я тебе завидую! А вот я себя понять не могу, и уже довольно давно.

– Но Алильена...

– Не перебивай, – мрачно сверкнула глазами магиня и, отвернувшись, обреченно добавила: – Раз сам завел разговор. Тебе кажется, будто я не вижу, как смешно и глупо выглядят со стороны мои чувства? Так вот, ты ошибаешься. Я давно ощущаю себя грязной нищей попрошайкой, хватающей прохожих за рукава и умоляющей дать хоть гнутый медяк. Раньше, когда я читала книжки и слушала рассказы подруг, мне казалось, что любовь – это такой волшебный праздник. Она наступит, и все вокруг засверкает, цветы зацветут, а птички запоют. Теперь я точно знаю, все это наглая ложь. Любовь – это проклятое чувство, приносящее только непрерывную боль, унижение и отчаяние. Мне давно уже не хочется тебя любить, и временами я тебя просто ненавижу. Но поделаться ничем не могу, это сильнее меня. И сильнее моих зелий... я ведь сделала отворотное и усилила так, что стаканчик светился. А потом выпила до дна и легла спать.

Инквар только зубы сильнее стиснул, костеря себя всеми словами, какие вслух даже произнести никогда бы не осмелился. Каким, оказывается, он был слепым и самонадеянным болваном!

– А утром встала, – помолчав, устало усмехнулась Алильена, и эта горькая усмешка вмиг состарила девушку на добрый десяток лет, – голова раскалывается, внутри все печет, а ты сидишь на кухне, учишь Найда давать лапу и смеешься... И у меня в душе сразу проклятые цветочки зацвели, как будто это ты мне так улыбаешься. А ты меня увидел и сразу стал скучно-вежливым. Вот в тот день я и поняла, все, больше так не могу. Как только подвернется случай, пойду клин клином вышибать... может, права поговорка.

Она молчала несколько минут, и когда Инквар уже решил, что девчонка выговорилась и пора ему принимать решение, Лил заговорила снова:

– Не хотела рассказывать, но теперь уже все равно. Я с каждым днем тебя все четче ощущаю безо всяких амулетов. Когда ты вчера из костра сбежал, у меня камень с сердца упал, я ведь уже приготовилась самоучку сжечь, защитные амулеты на нем еще висели. И потом побежала за тобой вовсе не со зла – думала, ты весь в ожогах. Но пока бежала, вспомнила, почему я с Канзом пошла. Мне в тот миг хотелось вообще на край света сбежать... от того сарайчика, где вы миловались... Хоть на время забыться... а вдруг получилось бы?

– Лил!

– Я все знаю. Ты взрослый мужчина и ничего мне не должен. Но я тоже уже совершеннолетняя, и у меня больше нет никаких сил терпеть эту боль. Дайг меня вчера отругал, а мне уже и самой хотелось себе руку отрезать или щеки исхлестать. Ты так обгорел, а виновата в том пожаре была я. Это ведь я добавила магии амулетам Канза, ты и сам ведь это прекрасно понял? Но я просто хотела его припугнуть, чтобы он от тебя отстал, тогда еще не догадывалась, какой он подлец и гад.

– Все, хватит, – резко поднялся с места искусник, сел рядом с магиней, обхватил за плечи и прижал к себе. – Я все понял. Ты права... я виноват, недооценил силу твоих чувств. Считал это капризом, детским желанием получить понравившуюся игрушку.

– Инк! – возмущенно зашипела, пытаясь освободиться, Алильена. – Ты меня дурочкой считаешь? Так напрасно, за последние пару месяцев я сильно поумнела. И отлично знаю, полюбить меня всего за полчаса ты никак не мог!

– Ты всегда была очень сообразительной, – покладисто поддакнул Инквар. – Потому-то мне так легко работается рядом с тобой.

– А, так ты сейчас работаешь! – диким зверьком взвилась девчонка. – Тогда зачем в меня вцепился? Немедленно убери руки!

– Нет, – виновато вздохнул искусник. – Не уберу. Ты же сразу ринешься бежать, а я еще ничего не успел тебе сказать. А сил тебя ловить у меня пока нет, я ведь тебя магией держу.

– Да почему это я побегу, – огрызнулась Лил, и тут до ее сознания дошла вторая фраза учителя.

Магиня посмотрела на него вприщур, недовольно посопела и покорно осела на место, низко опустив голову.

– Спасибо, – осторожно погладил ее по плечу Инквар и невесело улыбнулся: – Начнем разговор сначала. Как я уже сказал – я виноват. Я оказался невнимателен, доставив этим боль своей ученице, и по святому правилу искусников намерен свою ошибку исправить. Ну чего ты дергаешься? Я же не Канз, исправлять таким примитивным способом! И кроме того, это пока не для нас. Мы же с тобой не простые селяне и ничего таким путем в наших отношениях не проясним, только еще больше запутаем. Я думаю, нам нужно вернуться душой немного назад, забыть все недоразумения и обиды и попробовать пройти другой тропой.

– Так не бывает, – горько скривила губы Алильена.

– Если человек чего-то очень захочет, то сможет очень многое. Только желать нужно по-настоящему, а не как ребенок, ожидающий волшебника, который махнет волшебным посохом, и все изменится. Но тебе этого можно не объяснять, тебя отец научил упорно трудиться, добиваясь желаемого результата. И я тоже буду стараться.

– А через декаду полюбишь меня страстно и нежно? – саркастически фыркнула девчонка.

– Ну, я же не зря всегда хвалю тебя за сообразительность, – одобрительно улыбнулся Инквар и снова осторожно погладил худое плечико. – Как ты успела убедиться на своем собственном примере, любовь – это чувство, которое приходит нежданно-негаданно и не подчиняется никаким доводам разума. А если подчиняется, то это уже не любовь. Поэтому я и сам не знаю, что из этого получится, но попытаться-то стоит? Разумеется, мы не станем слишком торопиться, для начала просто будем считать себя помолвленными. Вот тебе мое колечко, оно греется, если в тело попадет яд.

Алильена недоверчиво взяла кольцо, повертела в руках, изучая со всех сторон, потом несколько секунд испытующе смотрела в серьезное лицо Инквара. И наконец, тяжело вздохнув, резко, словно ядовитую ловушку Канза, натянула подарок на палец.

– У меня нет больших колец, – буркнула она через некоторое время, уже спокойнее рассматривая украшение. – Но если ты сам разобьешь, возьми вот это. Там заклинание огня и светлячок, я немного усилю, чтобы хватило надолго.

– Я его позже подгоню, – мягко улыбнулся Инквар, – а пока надену на мизинец. А может... ты сама?

Лил настороженно дернулась, словно в ожидании подвоха, потом на несколько секунд застыла в задумчивости, явно лихорадочно высчитывая, какие ловушки могут быть в этом простом предложении. Инквар подавил горестный вздох: далеко же она ушла по тропе ненависти и недоверия. И как повезло ему, что успел спохватиться, удержать на самой грани. Еще шаг или два – и могло быть уже поздно.

– Ладно, – все-таки решилась девчонка, опасливо прикоснулась к протянутой мужской длани и аккуратно натянула на мизинец колечко, в котором золотым огоньком светилось спрятанное заклинание.

И тут же попыталась отдернуть руку, но Инквар оказался быстрее. Поймал теплые пальчики, поднес к губам и бережно поцеловал.

– А это еще зачем?! – рванула руку магиня и невольно разочарованно поджала губы, когда он не стал ее удерживать.

– Так положено, – серьезно заявил искусник, заботливо подливая в кружки отвар. – Ведь мы же хотим все исправить? Вот и пусть останется воспоминание о нашей скромной помолвке. Давай выпьем... за счастье!

Где-то в глубине сознания Инквар знал, что сейчас лукавит, но накрепко запретил самому себе даже вспоминать об этом. Далеко не каждому мужчине удастся зажечь в душе женщины свет истинной любви. Той, которая рождается вовсе не в ответ на пылкие речи, сладкозвучные баллады, щедрые дары, нежные взгляды или победы на турнирах.

Нет, это абсолютно нелогичная любовь вопреки всему, и именно она толкает на безумства и на подвиги, заставляет помнить о днях рождения и любимых цветах. Только истинно любящая женщина, встречая своего мужчину, спросит о здоровье, а не станет выяснять, где он был так долго, никогда не забудет поставить сушиться его сапоги и плеснуть в чай толику бальзама, если за окнами бушует непогода.

И Инк будет последним из глупцов, если сейчас оттолкнет девушку, не сделав хотя бы нескольких шагов навстречу этому редкому дару и даже не попытавшись дать себе шанс заплыть тем же огнем.

Лил быстро глянула ему в глаза, недоверчиво усмехнулась, но так ничего и не сказала, однако кружку забрала и пила отвар долго и задумчиво. Иногда ее губы кривила робкая и скептическая улыбка, словно девчонка о чем-то спорила сама с собой или в чем-то себя убеждала.

– Пора идти, – нехотя поднялся Инквар через полчаса. – Нам до места еще довольно далеко. Подождешь меня в лесу рядом с восточной дорогой. Я устрою вам с Найдом схрон и отправлюсь за самоучкой. И очень прошу, ничего в этот раз не придумывай, хорошо? Просто смотри на мое кольцо и жди.

Почти два часа они неуклонно двигались на юго-восток, стремясь напрямик выйти к тропе на Ювель, небольшой городок, мимо которого никак не смогут пройти ловцы Железного Густава. Именно оттуда идут дороги в его баронство и в крупные города восточной части огромной страны, возникшей на месте нескольких распавшихся старинных государств.

Шагая по бездорожью, обходя валуны и протискиваясь сквозь заросли кустарника, Инквар по привычке обдумывал план предстоящей вылазки и искоса приглядывал за упорно молчавшей Алильеной. Девчонка тоже настойчиво о чем-то размышляла, и его не могло не волновать, к каким выводам она пришла. Потому-то, выйдя на исходе второго часа пути на опушку густого леса, спускавшегося к ручью по пологому склону холма, Инк объявил небольшой привал. Намереваясь не только немного отдохнуть и перекусить, но и попытаться выяснить у неожиданно обретенной невесты, какие сомнения ее гложут.

Однако долго расспрашивать ученицу не пришлось. Едва искусник разжег костерок и опустил на кошму в ожидании отвара, Лил уставилась на него прокурорским взглядом зеленых глаз и хмуро объявила:

– Это неправильно.

– Что именно? – искренне заинтересовался Инквар.

– Наша помолвка. Мы как будто на рынке столкнулись, и теперь я чувствую себя чем-то средним между комодом и племенной кобылой. Я думаю, надо ее разорвать.

– Алильена, – осторожно начал ее учитель, – но при чем тут комод и тем более кобыла? В помолвке главное – чувства.

– Вот о них я и говорю. Я тебя люблю, а ты просто купил меня своим кольцом, и теперь я буду в твоей жизни чем-то вроде комода. Нужная и удобная вещь. А как понадобятся наследники или просто так... начну служить кобылой.

– Не будешь, – уверенно качнул головой Инквар. – Я никогда не позволю себе завести детей с женщиной, в которой не вижу своей половинки. И просто развлекаться с тобой до свадьбы не стану, слишком ценю тебя и доброе отношение твоего отца и Ленса.

– Значит, будешь развлекаться с травницами, – едко хмыкнула Алильена и схватилась за подаренное Инком кольцо, пытаясь его сдернуть. – Что такое? Оно почему-то не снимается!

– И не снимется. Ты заключила помолвку с искусником и не сможешь ее разорвать, пока не представишь веских доводов в пользу этого решения, – спокойно объявил Инквар. – Но до сих пор я таких не услышал. А твое предположение о травницах не только голословно, но еще и оскорбительно. Искусники никогда не изменяют ни женам, ни невестам.

– А как же... – язвительно процедила Лил и смолкла, не найдя подходящего слова.

– Раньше ты не была моей невестой. А все остальное тебя волновать не должно. Просто помни, я не Канз и умею управлять собственными желаниями.

– Но ты же... – вскинула голову девчонка, рассмотрела, с каким заинтересованным лицом ожидает продолжения ее речи Инквар, и внезапно затихла, начиная безудержно краснеть.

– Вот именно, – тихо вздохнул искусник. – Сама напридумывала разных глупостей, а обвинила в них меня. Тогда как у нас с тобой все значительно проще. Ты вот с какого дня начала новую тропу? А я вернулся в то утро, в твоём родном доме. Ты шла тогда по лестнице,

такая легкая, светлая, именно такие девушки мне всегда нравились больше всех. Помню, у меня даже дух захватило, и так обидно стало, когда я понял, что это моя ученица. Вот там я и сделал перекресток и на нем оставил эту обиду. Придавил ее огромным камнем, на котором записал, что самое главное – это насколько человек тебе нужен. А все остальное, кто его родители и какие у него недостатки или способности, вовсе не так уж важно.

– А я тебе нужна? – пробормотала Лил, сверля лицо Инквара недоверчивым взглядом.

– Сама подумай, стал бы я с тобой возиться и везде таскать с собой, если бы это было не так? Но вот для того, чтобы завтра же жениться, этого, к сожалению, маловато... Но я ведь уже иду по другой тропе и стараюсь смотреть на тебя по-новому?

Девчонка разочарованно хмыкнула и принялась за еду, больше не пытаясь снимать кольцо. И отнимать у Инка руку, когда он осторожно поцеловал пахнущую дымом ладошку, перед тем как тронуться в путь, тоже не стала.

И снова они размеренно шагали в выбранном Инком направлении, обходя лишь непроходимые завалы и кручи. Теперь искусник шел впереди, уверенно выбирая дорогу, и следовавшая за ним Лил упорно старалась не отстать и не показать своей усталости. И когда спутник остановился у огромного выворотня и поставил возле толстого корня корзинку с Найдом, не сразу поверила, что путешествие закончилось.

– Лучшего места для ночевки не найти. Посиди тут или погуляй в тех кустиках, я осмотрю окрестности.

– Где здесь ночевать? – неверяще оглянулась Лил и потрясенно замерла, услышав ответ жениха, произнесенный непривычно ласковым голосом:

– В медвежьей берлоге, дорогая.

Затем Инк одарил ее медовой улыбкой, повернулся и стремительно улизнул, не успев или не пожелав рассматривать хмурый взгляд озадаченной невесты.

– Смотри не споткнись, дорогой, – спохватившись, приторным голоском пропела вслед ему вся кипевшая возмущением Алильена и сердито стиснула кулаки, расслышав ехидный смешок.

– Это так он идет по новой тропе? – шипела девушка, продираясь сквозь заросли дикой смородины. – Хорошее же у него представление о том, как ведут себя порядочные женихи! Да мы так через три дня убивать друг друга начнем!

Выскочила на бережок крохотного озерца, побродила немного в поисках звериной тропы, и наконец найдя подходящий спуск, умылась и напилась. И только после этого сообразила, что забыла прихватить флягу для воды. Сердясь на себя за бестолковость и на Инка – за то, что умудрился так разозлить ее всего одним словом, магиня побрела назад, пытаясь придумать, как ей теперь разговаривать со свежеиспеченным женихом.

Искусник, как выяснилось, уже вернулся, притащил кучу елового лапника и сухую валежину и теперь ловко рубил дрова на том самом корне, подбрасывая щепки в маленький костерок. Неподалеку Найд с урчанием пожирал внутренности какой-то дичи, и Лил с невольным уважением покосилась на котелок, подвешенный над огнем. И тут же дернулась, услышав ласковую просьбу:

– Посоли, пожалуйста, мясо, дорогая.

– Инк!

– Да, дорогая? – тотчас прекратив работу, ожидающе уставился на нее жених.

– Ты нарочно меня злишь?

– Как-то неправильно ты все понимаешь, – вроде бы серьезно огорчился Инквар, но магине почудилось блеснувшее в его взгляде лукавство. – Я просто разговариваю с тобой так, как положено помолвленным.

– Никогда не видела... – огрызнулась Алильена и смолкла, припоминая, как же на самом деле разговаривают женихи с невестами?

– Тебе просто негде было смотреть. Ты жила в доме отца как за высокой стеной, и это правильно, искусники предпочитают хорошенько защищать свою семью. Потом пряталась в деревне, и я даже не сомневаюсь, что кузнец не отпускал вас далеко от двора и еще засветло загонял в дом. А днем деревенские женихи и невесты обычно в поле или огороде.

– Не так уж мало я знаю о жизни, – тихо буркнула девушка, признавая справедливость пояснений, но не желая отзываться на слишком громкое словечко «дорогая», которым жених явно намеревался приправлять каждую фразу.

– Ну раз ты все знаешь, – неожиданно покладисто согласился Инк, снова берясь за топор, – то придумай сама, как мне тебя называть. Ведь нам с тобой еще не один день добираться до друзей, а на постоянных дворах и в гостиницах придется обращаться друг к другу. А там народ внимательный, сама знаешь. Не забудь помешать мясо.

Прихватил обе фляги и ушел за водой, попутно подбросив в костер дров.

– Легко сказать – придумай! – яростно мешая шкворчащие куски зайчатины, почти рычала через минуту Алильена, убедившись, что слов, которыми можно называть при всех жениха или невесту, в их языке попросту не существует.

Ну не «милая» же? Словно с ребенком сюсюкаешь или с котенком. А «любимая» – напыщенное и одновременно слишком откровенное обращение, Лил была твердо убеждена, что при всех такие слова нормальные люди не говорят.

И все! Осталось одно «дорогая», звучащее для девушки тайным намеком на то, какой ценой досталось жениху это счастье.

– По-моему, готово, – остановился рядом Инквар и ловко снял с костра котелок. – Давай миски. Потом заварим трав, я набрал по дороге. Через полчаса я пойду дальше, а ты ложись поспать. Когда вернусь, придется отсюда уходить, ловцы от страха за свою шкуру обшарят всю округу.

– Я пойду с тобой, – упрямо сжала губы магиня, но искусник отрицательно мотнул головой:

– Нет, и не спорь. В этот раз я справлюсь и один.

– А если их будет слишком много? – выдала Алильена свой главный довод.

– Тогда уйду, рисковать не буду, – уверенно успокоил ее Инквар и перевел разговор на другое: – Но сначала устрою тебе лежанку, и не беспокойся, берлога старая, хозяин не вернется.

– Откуда ты знаешь?

– Вход зарос травой, и ее никто не смял. Ты тоже будешь забираться вот тут, сбоку, не нужно оставлять следов на виду.

Выдавая указания, Инк не стоял – ловко перебросил к едва заметному лазу лапник и вещевые мешки, скользнул туда сам и умело устроил в дальнем уголке лежанку. Прикрыл кошмой, сунул в изголовье вещи и, развернувшись, чтобы вылезти, столкнулся с Лил.

Девчонка привычно отпрянула, но тут же вспомнила свое новое положение и замерла, загораживая жениху выход.

– Тесно, зато тепло, – хмыкнул тот, посторонился, присел еще ниже и, подхватив

девушку, как пушинку, повернулся на каблуках, перенося ее на лежанку.

Лил только охнула, вцепилась ему в плечи, но искусник уже бережно опустил ее на кошму. Осторожно снял с плеча ее руку, коротко коснулся губами тонкого запястья и змеей выскользнул прочь.

– Отдыхай, я сам все уберу, – донеслось до помрачневшей девушки заботливое обещание, заставившее ее язвительно скривить губы.

Но как бы ни хотелось Лил огрызнуться, она все же сумела промолчать. Возможно, Инк прав, и постепенно они придут в счастливое будущее по призрачной тропе, проложенной в обход действительности. Однако этот путь, как ей становится понятнее с каждым часом, займет довольно много времени, и вот решением вопроса, как приблизить это светлое будущее, магиня и намеревалась заняться. Все-таки она ученица искусника, а у них на каждый случай жизни заготовлен свой собственный план.

Перед уходом Инквар торопливо навел возле выворотня порядок, умело скрыв все следы короткой стоянки, и помчался прочь, лишь на миг приостановившись проверить, где Лил. Однако рыжий огонек, означающий его невесту, так и светил из-под огромного ствола, и Инквар, довольно улыбнувшись, продолжил бег, не забывая время от времени проверять амулетом, не нарушила ли девчонка своих обещаний. Смешно было бы безоглядно надеяться на послушание Лил, пока она еще не поверила в его намерения и в каждом слове первым делом ищет подвох. Да и слишком уж подозрительно она промолчала напоследок, наверняка задумала какую-то каверзу.

Однако по мере того, как удалялась заброшенная мохнатым владельцем берлога, рыжеватый светлячок становился все бледнее и уходил к краю зеркальца, убедительно доказывая, как ошибался Инквар в отношении намерений своей невесты. Теперь можно было забыть о ней и думать лишь о предстоящей операции, но почему-то душу сверлила непонятная тревога, и он еще не раз останавливался и доставал свое зеркальце.

Заодно проверяя и метку, поставленную на Канза, и вот эта, наоборот, приближалась, и довольно быстро. Значит, правильно он понял, кем на самом деле был самоучка, и точно угадал планы ловцов. Сделав такой вывод, Инк помрачнел еще сильнее. Чувствовался за столь тщательно подготовленным планом похищения Лил и его самого намного более проницательный и изворотливый ум, чем у кучки ловцов, привыкших загонять своих жертв как дичь, а не строить для этого сложные, многоходовые ловушки.

К дороге, ведущей на запад, Инквар намеренно вышел с таким расчетом, чтобы успеть осмотреться и приготовить укромное местечко для засады, прежде чем сюда подъедет отряд ловцов. Необходимо было позаботиться о надежной защите и маскировке, от недостатка поисковых амулетов люди Железного Густава не страдали.

Однако все прошло так гладко, что Инквар даже не сразу поверил в неожиданную удачу. И гоня коня по бездорожью в сторону медвежьей берлоги, не раз оглянувшись, страхась пропустить появление погони. Но только отъехав от дороги на порядочное расстояние, наконец-то вздохнул с облегчением: по-видимому, сегодня судьба смотрит на него своим добрым ликом.

Сопровождающих Канза ловцов оказалось всего трое, и когда самоучка, услышав тонкий посвист свиристели, свернул к раскидистому ясеню, они толпой последовали за ним. А через минуту так же дружно попали в ловушку, пробираясь через густые кусты, которые Инк щедро обрызгал сонным зельем. Уснули все, и кони и всадники, едва успевшие отползти от начавших спотыкаться животных. Однако разбудил Инквар только лошадей, а их хозяев засунул подальше в колючие заросли дикого крыжовника, чтобы не добрались дикие звери.

Всех, кроме Канза, этого искусник замотал в одеяло и привязал на спину животного наподобие дорожного тюка, ничуть не заботясь об удобстве предателя. Обратная дорога до берлоги заняла не намного меньше времени. Связанные цепочкой лошади не могли пройти там, где сам Инквар легко проскользнул, направляясь на охоту за самоучкой.

Потому-то до берлоги он добрался позднее, чем рассчитывал. Яркое зарево заката, заливавшее край неба как раз в той стороне, куда искусник спешил привести свой маленький отряд, к тому моменту уже почти угасло.

Искусник все чаще поглядывал на амулет поиска и снова, как несколько часов назад, не находил там светлого пятнышка, но теперь это уже не радовало его, а беспокоило все сильнее. А еще росло гнетущее душу тяжелое ощущение потери, заставляя Инквара вновь и вновь мысленно перебирать свои недавние действия и слова. Он упорно пытался выяснить, все ли мелочи предусмотрел, оставляя ученицу одну, и не пропустил ли каких-нибудь признаков беды.

И хотя пока не находил ни малейшей ошибки в своих действиях, зато уже знал точно: какая бы непредвиденная беда ни случилось, в этом обязательно есть доля его собственной вины. Для того и учили его не один год не просто аккуратности, осторожности и осмотрительности, а неуклонной привычке заранее скрупулезно просчитывать свои действия и не допускать никаких промахов.

Лошадей Инк оставил шагов за двести до выворотня и дальше крался к тщательно замаскированной стоянке в одиночку, непрерывно проверяя окрестности своими амулетами. И с каждым шагом мрачнел все сильнее. Или разом испортились оба его амулета, или Алильена куда-то ушла. Не забыв прихватить все вещи вместе с саквояжем Инка, в котором было несколько довольно сильных вещей, до отказа наполненных магией.

Однако искусник скорее поверил бы в нашествие русалок, чем в последнее предположение. Какой бы упрямой и неуступчивой ни становилась иногда Алильена, но брать вещи учителя она не стала бы никогда, в этом он был уверен, как в самом себе.

Выворотень возник перед ним неопрятной глыбой, совершенно черной на фоне

сиреневого неба, и даже усиленным слухом Инквар не различил под ним ни малейшего шороха. Ни дыхания, ни стука сердца. Искусник окинул взглядом окружающий полянку лес, прислушался к его шуму и, не найдя ничего тревожного, стремительно ринулся в берлогу.

Пальцы непривычно дрогнули от волнения, когда он чиркнул простеньким на вид кресалом, поднеся пугливый огонек к огарку алхимической свечи. И пока торопливо разгоралось ее светлое пламя, успел бегло осмотреть неказистое логово.

Алильены тут не было.

Но не это встревожило Инка сильнее всего, возможность побега придумавшей себе очередную обиду девчонки он не исключал. Хуже было другое. Лил никогда не стала бы так тщательно убирать все следы своего пребывания здесь, и тем более не оставила бы на одном из свисающих со свода пещеры корешков аккуратно скрученную в трубочку записку.

Послание искусник брал с помощью длинного кинжала и пинцета, предприняв прежде все меры предосторожности, однако никакой ловушки там не обнаружил.

Впрочем, ему хватило и нескольких строк никем не подписанной записки, чтобы тяжело осесть на пол и яростно заскрипеть зубами.

Как суховато сообщал некто неизвестный, Алильена Базерс сейчас сидит в карете, направляющейся в фамильный замок барона Корди. А искусника Инквара ждут на лесной дороге в полумиле отсюда, если двигаться точно на юг. Вместе с его пленниками.

Никогда еще в жизни Инку так сильно не хотелось кого-нибудь прибить, как сейчас. Даже к извергам, прятавшим в лесу девочку-оборотня, к злобным ночникам и Канзу он не чувствовал такой неистовой ненависти. Но еще невыносимее жгло душу понимание, как умело провел его неизвестный предатель, ловко загнав последними событиями в определенное им самим место, где уже была заготовлена ловушка.

Ну а в том, что подлецом оказался именно предавший законы искусников собрат по ремеслу, Инквар не сомневался ни секунды. Только тот, кто точно знал, как именно поступит Инквар в какой-либо ситуации, мог спокойно и уверенно выстраивать события в нужном ему порядке, управляя толпами людей и их чувствами со сноровкой опытного интригана. И, разумеется, сейчас он твердо уверен в послушности искусника, так как убежден, что тот никогда не оставит в беде свою ученицу, независимо от того, какие причины заставили ее так безропотно сдаться чужакам.

Но вот одной очень важной детали предатель все же знать никак не мог, желчно ухмыльнулся Инк, уверенный в преданности Алильены. Как бы она на него ни злилась, но никогда и никому не откроет их общей тайны. Да и о скоропалительной помолвке рассказывать тоже не станет, хотя пока и сама не понимает, насколько сильное оружие дала в руки любимому мужчине, согласившись взять его кольцо.

Следовательно, у Инка пока еще есть шанс переиграть негодяя, но на этот раз он постарается больше не действовать так предсказуемо, как прежде. Для собрата по ремеслу, разумеется, причем старшего, вот в этом можно даже не сомневаться.

И это обстоятельство терзало душу невыносимой болью, ведь до сих пор искусник свято верил, что верность старших мастеров законам ремесла незыблема.

Инквар немного посидел, успокаиваясь и по привычке проверяя, не упустил ли какой-либо мелочи, потом вылез наружу, огляделся и принялся раздеваться, тщательно проверяя каждую вещицу с помощью недавно обретенного умения. Она обязательно должна была на нем стоять, чужая магическая метка, просто не могло ее не быть. Старший мастер должен был следить за ним с помощью амулетов, чтобы вовремя внести поправки в тщательно

разработанный план.

Очень скоро Инквар нашел на своей бессменной дорожной куртке пару бледных пятнышек от неизвестного ему зелья, и сердце на миг стиснула глухая боль. Лишь несколько человек, которых он считал друзьями, имели возможность прикоснуться к его одежде, и значит, отныне на одного друга у него стало меньше. Хотя пока и неясно, кто именно поставил этот маячок, но по большому счету это и не имело теперь особого значения. В ближайшее время Инквару будет не до них, у него появилось новое задание, принятое по собственной воле и желанию.

Выбрасывать удобную, оснащенную тайничками одежду Инку не хотелось, но ходить меченым он желал еще менее. С минуту искусник стоял в раздумье, ища способы снять проклятые метки, потом вдруг недобро ухмыльнулся и вновь поспешно натянул куртку – к ночи заметно посвежело.

Ехидная усмешка кривила его губы, пока он пробирался сквозь кустарник к оставленным в укромном местечке пленникам. Раз предатель сумел пометить Инквара, то просто не мог не поставить маяки на своих людей. Ведь глупо же давать в руки загнанному в угол собрату сразу четырех заложников, один из которых хоть и необученный, но все же довольно сильный одаренный? Хотя о том, что Инквар взял с собой только Канза, противник мог и не знать.

Добравшись до добычи, искусник убедился в правоте своих предположений: в кустах стояла только одна лошадь, та, на которой добрался сюда он сам. Все остальные бесследно исчезли вместе с Канзом. Искусник презрительно фыркнул, ему было отлично известно, как бессмысленны любые попытки торговаться с Корди. Железный Густав не задумываясь отдаст в придачу к самоучке еще десяток своих людей, но никогда не отпустит Алильену.

Стало быть, можно лишь поблагодарить предателя за избавление от заботы о ставшем обузой пленнике. Если у Инквара вообще возникнет желание с ним разговаривать. Пока сама мысль о спокойной беседе вызывала глухую ярость, которую искусник старался унять всеми силами. Злость – плохой советчик, если он собирается вырвать Лил из лап ее жестокого дяди.

Тропу, на которой его ожидала крытая дорожная коляска, Инквар легко нашел с помощью артефакта. Теперь браслет снова ожил и показывал целый букет застывших в одном месте разноцветных огоньков. Такое количество мощных амулетов, прихваченных предателем с собой, могло означать лишь одно: он считал Инквара очень сильным противником, готовым немедленно вступить в схватку, и последнее соображение заставляло искусника презрительно шипеть.

Как бы он ни был разъярен, никогда не позволит себе совершать необдуманных поступков и тем более напасть на равноценного, а возможно, и более опытного мастера. Хотя прекрасно знает, как льстит такое самоубийственное поведение вспыльчивых и неуравновешенных мужчин их глупеньким подружкам. Но смешно было бы причислить к числу таких вертихвосток Алильену, да и убийство предателя не принесет Инку ничего, кроме вреда. Так что пусть живет... пока.

Искусник подъехал вплотную к повозке, спешился и бросил повод коня, догадываясь, что тот ему больше не понадобится. В повозку была запряжена пара отличных лошадок.

Дверца коляски распахнулась, словно приглашая искусника внутрь, и он, едко ухмыльнувшись, шагнул ближе, одновременно прикрыв лицо подушечкой уплотненного

воздуха и истово жалея, что у них с Лил было так мало времени для тренировок.

– Клянусь ремеслом, – донесся из повозки тихий, как шелест листьев, мужской голос, – не причинять тебе никакого вреда.

– Клянусь ремеслом не верить твоим лживым клятвам, – мгновенно отозвался Инквар. – Все зло, какое мог, ты уже сделал.

– Тсс! – яростно шикнул предатель и чуть громче приказал: – Залезай и садись на переднее сиденье.

Инквар молча исполнил приказ, и едва оказался на удобном сиденье, обнаружил рядом с собой свой саквояж, вещевой мешок и корзинку с Найдом. Инквар тотчас заподозрил неладное – по доброй воле девчонка никогда бы не рассталась с любимым питомцем, однако пускаться в долгие рассуждения себе не позволил. У него еще будет на это время.

Сейчас он откровенно изучал лицо сидевшего напротив мужчины, в ответ рассматривающего его с неподдельным интересом, хотя в коляске властвовала полнейшая темнота.

И с каждой секундой Инквар ощущал все большую досаду. Они уже однажды встречались, и не так давно. В небольшой харчевне Подгорного, и даже обедали в одной комнате. Тогда черный искусник, ездивший в сопровождении отряда воинов барона, не стал отдавать приказ забрать их с Алильеной, а вот теперь почему-то решил схватить.

Или... в тот раз он просто пометил их своими маячками и временно отпустил на волю, как живцов? В надежде поймать на них более крупную дичь? Но на кого же он тогда охотился? На Ленса или на Тарена? И раз сейчас выловил своих живцов, то не означает ли это, что отец Лил и ее брат уже у него в лапах?!

Коляска тронулась с места, подчиняясь молчаливому приказу черного, дернувшего за ведущий к кучеру шнур, и мягко закачалась на лесной дороге, неторопливо увозя Инквара в неизвестность. И снова ярость всплеснулась в его душе жаркой волной от одной лишь мысли о том, что их с Алильеной пути могут разойтись. Лишь невероятным усилием воли Инку удалось унять смешанную с ненавистью злость и удержать непроницаемое выражение лица, заставив себя вспомнить о простом факте. Пока никто во всех свободных баронствах не знает лучше этого предателя, где находится Лил.

– Через несколько часов мы приедем в одно укромное местечко, там и поговорим, – тихо и устало проговорил черный, откидываясь на спинку сиденья. – Сейчас ты мне все равно не поверишь.

– А с чего ты взял, что я собираюсь верить тебе потом? – немедленно отозвался Инквар, вложив в эти слова все презрение, которое испытывал к предателю.

– Там у меня будут неоспоримые доказательства верности принятого мной решения, – так же спокойно пояснил черный, но в его голосе прозвучали снисходительные нотки, мгновенно пробудившие укрошенную Инком ненависть.

– Ну ты и лживая сволочь! – яростно прошипел он сквозь зубы, изо всех сил вцепившись в сиденье, чтобы не сорваться и не зажарить негодяя прямо сейчас. – Или не подтвержденный мастер, раз не знаешь, чего истинный искусник не простит никогда и никому. Нападения на свою невесту.

Несколько секунд черный молча рассматривал Инка, и только чуть заметно нахмурившиеся брови выдавали его озабоченность.

– Ты лжешь! – объявил он наконец, но пленник не услышал в его голосе полной уверенности и съязвил в ответ:

– Не имею пока этой отвратительной привычки, присущей только таким, как ты, предателям.

– Мы не лжем братьям, – огрызнулся черный и, не выдержав, спросил: – Но почему об этом неизвестно никому из твоих друзей?

– Значит, они не истинные друзья, – мгновенно ошетинился искусник. – Те, кто торгует сведениями обо мне.

– Я спрашиваю не о них, а о невесте, – сухо прервал его хозяин повозки. – Чем ты можешь доказать свои слова?

– Вообще-то слова истинного искусника в доказательствах не нуждаются, – усмехнулся Инквар с высокомерной гордостью. – Но есть и вещественные доказательства. Кольца. Тебе ли не знать, что никто не сможет снять мое кольцо.

– А ее кольцо? – мрачней, все же продолжал допытываться черный.

– Вот оно, – гордо поднял мизинец Инквар, мысленно хваля себя за то, что сразу же привязал амулет к себе. – Только разбить пока не успел.

– И когда только успели обручиться? – с глухой досадой пробормотал черный. – Ведь только вчера она была готова тебя убить.

– Ну и что? – с наигранной беззаботностью ухмыльнулся Инквар, веселясь про себя, как шулер, награвший компанию богатых бездельников. – Просто характер у моей невесты немного... неуравновешенный. Так и жизнь у нее вовсе не мед... впрочем, кому я рассказываю! Ведь это же ты, гад лживый, и создал большую часть ее бед! И можешь даже не надеяться, что когда-нибудь я тебе это прощу!

– Ты все понимаешь неправильно, – огорченно отмахнулся черный, дернул шнурок, и повозка немедленно остановилась. – Не хочешь минутку погулять?

– Я уже в досталь нагулялся, – наотрез отказался Инквар. – Со вчерашнего утра бегаю и только теперь начинаю понимать, какой подлец устроил мне эту проклятую гонку. Можешь не сомневаться, все тебе зачту.

– Тогда мне придется тебя усыпить, – скучаяще объявил черный мастер, молниеносно направляя на Инка фиал с распылителем.

– Давай, – зеркально повторяя его жест, согласился искусник. – Проверим, чье зелье сильнее.

Однако первым нажимать кнопку не стал, ожидая нападения старшего.

– Ладно, – подождав несколько секунд, сдался тот, спрятал фиал, распахнул дверцу и выпрыгнул из повозки, бросив напоследок: – Вернусь через две минуты.

Инквар перевел дыхание и погладил сладко спящего Найда.

– Похоже, ты все же получил порцию его зелья, малыш, – сами сорвались с его губ слова. – Иначе никогда не бросил бы любимую хозяйку.

Черный вернулся, как и обещал, ровно через пару минут. Тяжеловато влез в повозку, устроился на своем месте и несколько секунд озадаченно рассматривал мужчину, который спокойно спал на противоположном сиденье, крепко прижимая к груди рыжего щенка.

Потом тяжело вздохнул и дернул шнурок, подавая преданному конюху сигнал ехать дальше.

Инквар проснулся от рычания Найда резко, словно распахнул дверь из темного, смятенного сна в не менее тревожную действительность. Открыл глаза и сразу же сел, крепче притиснув к себе вздрагивающее от ненависти тельце щенка. Злобно скалясь на сидящего напротив черного, Найд упорно пытался вырваться из рук Инка, и можно было не сомневаться, о чем мечтает его собачья душонка. Крепко вцепиться всеми клыками в ногу обидчика и грызть ее до полной победы. Жизнь в стае научила его не прощать врагов.

– Где вы только взяли такого дикого, – сердито буркнул черный и указал на дверцу: – Усмири его и вылезай. И вещи свои прихвати.

Отвечать ему Инквар не стал, как и успокаивать щенка. Бесплезно, не раз уже проверено. Можно было задеть самого Найда, это он еще прощал, за кусок мяса, разумеется. Но обидчиков хозяйки, даже невольных, щенков запоминал навсегда. Потому-то искусник с ученицей никогда и не брали ее питомца на тренировки, мало ли как он может понять их учебные бои.

Идти пришлось недалеко, коляска стояла у крыльца, на которое падал мягкий свет из широко распахнутой двери. «Стало быть, хозяева дома не опасаются нечаянных свидетелей», – привычно отметил Инквар, поднимаясь по деревянным ступеням. В центре первой же комнаты стоял простой, но основательный стол из толстенных досок, вокруг расположились грубые стулья ему под стать. Скатерти не было, но посуда стояла серебряная, и судя по всему, совсем недавно тут кто-то ужинал. Или уже завтракал.

– Умывальня там, в конце коридорчика, – махнув рукой, негромко сообщил сидящий у очага немолодой мужчина в угольно-черной одежде. – Вещи и собаку можешь оставить здесь.

Инквар крепче стиснул зубы и шагнул к указанной двери, начиная подозревать, как неверно поступил, не взяв черного в плен прямо там, на лесной дороге. Оказывается, тот действует не в одиночку, и в таком случае это заговор, о котором не знают старшие, ушедшие в долину мастеров. Иначе они уже нашли бы способ выловить этих предателей.

В умывальне Инквар пробыл дольше, чем предписывают негласные правила приличия, но даже не подумал об этом вспоминать. Ему нужно было подготовиться к бою с очень сильными врагами, и, возможно, это будет его последний бой.

– Прости, малыш, – рассовав по карманам свои зелья, вздохнул Инк и сунул щенку кусок мяса, сбрызнутый сонным снадобьем.

Затем уложил Найда в корзинку и вместе с вещевым мешком засунул под скамью, тут он будет в большей безопасности, чем рядом с ним самим. Глянул в последний раз на кольцо Алильены, невесело усмехнулся: «Прости и ты, рыжая, но жениха ты себе выбрала какого-то неудачливого, в следующий раз будь поосмотрительней».

Подхватил саквояж и, отбросив все лишние мысли, решительно шагнул в комнату.

Они уже ожидали его, четверо мужчин в одежде разного фасона и разной степени изношенности, но одинакового невыгорающего угольного цвета. И с одинаково закрывающими верхнюю половину лиц капюшонами. Удобно устроились с одной стороны длинного стола, оставив свободным стул напротив себя, и выглядели судьями, собравшимися вынести приговор пойманному злодею.

– Садись, – неторопливо помешивая ложечкой горячий отвар, спокойно глянул на Инка

привезший его черный мастер. – Нужно поговорить.

– О вашем предательстве?

– Никакого предательства нет, – поднял голову второй черный, и капюшон сдвинулся, открывая посеребренные сединой волосы и живой блеск медовых глаз.

Несколько мгновений Инквар смотрел на него, не веря собственному зрению и чувствуя, как поднимающаяся из глубин души штормовая волна леденящего отчаяния и ненависти накрывает его с головой.

Потом отступил на шаг и жестко поджал губы; никому из них не под силу доказать, что это и в самом деле Мейлан Сеггот, его первый наставник. Инквар и сам отлично умел подделывать чужую внешность, вплоть до цвета глаз, шрамов и голоса. И чтобы он поверил, нужно нечто большее, чем удачная личина.

– О чем бы таком рассказать, чтобы ты перестал сомневаться? – знакомо прищурился черный, но Инк даже не шелохнулся. – Может, о бондаре Чаусе? Или о том болотце, где посередине растет дикая груша? А может, о половине заклинания очищения?

– Лучше расскажи, – позволив скользнуть по губам тени высокомерия, подсказал Инквар, – как ты стал предателем и для чего вырядился в чужую личину.

– Мы все здесь без личин, – спокойно пояснил сидевший в центре рядом с Мейланом мастер средних лет с жестким взглядом и устало опущенными углами губ. – И все несколько дней мчались сюда ради этого разговора с тобой. Еще ни один из искусников, признанных нами достойными вступления в высший круг, не поверил старшим собратьям на слово слепо, без доказательств.

– Ну так чего же вы тогда хотите от меня? – едко изумился Инквар.

– Только одного – не начинай бросать в нас зельями и амулетами, пока мы не ответим тебе на все вопросы.

– Ну это не так и сложно, – желчно прищурился Инквар. – Тогда отвечайте, по какому праву вы выкрали у меня невесту и ученицу?

– Мы не знали о вашей помолвке, – тяжело проговорил черный. – А девушка оказалась главным узелком сразу нескольких интриг. Ее дядя словно с ума сошел, отменил все задания для своих ловцов, оставив только одно – поймать Алильену. Разорвал все договоренности с гильдией наемников, разрешил своим людям ловить травниц и жечь их дома. Приговорил к казни больше десятка одаренных, живущих в башнях его замка. Сработанным ими амулетом оказалось не под силу найти девчонку. Извини... твою невесту. Тебя он тоже хотел заполучить, но мы вовремя успели отправить в убежище Канза. Наши люди ждали вас у ворот.

– Большое спасибо за заботу, – язвительно ухмыльнулся Инквар. – А десяток усиленных до предела боевых амулетов Канзу тоже вы выдали? Он ведь швырнул их в меня все разом.

– Никто про них не знал, – потемнел, как туча, Мейлан и глухо пояснил: – Как и о том, что он служит Корди. Канз оказался одним из его тайных шпионов, очень ловким и хитрым. И одновременно с нашим распоряжением вывести вас из крепости вместе, получил от Корди другой приказ – Алильену передать ловцам, а тебя убить.

– Странно, отчего бы это? – саркастически поднял бровь Инквар, всем своим видом выказывая хозяевам дома глубочайшее презрение. – Видимо, Густав лучше вас осведомлен обо всем, касающемся Лил. Хотел бы я знать откуда.

– Его шпионы умеют расспрашивать и щедро платят, а слуги и трактирщики очень приметливы. Ну и Канз, разумеется, постарался выведать все у преданных ему наемников, –

угрюмо пояснил сидевший рядом с Мейланом черный и поднял на пленника усталый взгляд: – Позволь представиться. Зинерс, глава высшего круга. Еще вопросы у тебя есть?

– Да целая куча! Как вы собираетесь освободить Лил? Знаете ли, где ее отец Тарен Базерс и где ее мать с братом? И почему носите эти позорные тряпки? На первый случай хватит.

– Более чем, – остро глянул на него Зинерс. – А ты не стой, садись к столу, клянусь ремеслом, нападать на тебя мы не собираемся.

– Ничего, я постою, – отмахнулся Инквар и по усмешкам, расцветшим на губах мужчин, которых он пока еще не признал соратниками, понял, как долго еще они намерены испытывать его выдержку. Огорченно вздохнул и кротко добавил: – А нападения нужно опасаться не мне.

В тот же миг, добавив себе силы и скорости, пленник стремительно скользнул за спины мастеров и моментально опутал их простейшей, но безотказной ловушкой – клейкой сетью. И всего через две секунды, которых его противникам хватило лишь на то, чтобы поднять руки с зажатыми в них амулетами и флакончиками, спокойно стоял на своем месте, с неподдельным интересом разглядывая ошетилившихся приготовленным оружием черных.

– Инквар! – сведя брови, рассерженно прикрикнул Мейлан. – Это что за шуточки?! Снимай немедленно, у нас и так времени в обрез!

– На меня такой тон не действует уже очень давно, но рычишь ты весьма похоже на моего наставника, – любезно пояснил Инк. – Кстати, я вспомнил, как можно тебя проверить. Скажи, какой ингредиент ты добавлял в зелье от подагры толстяку Унхелю?

– Инквар! – оскорбленно воззвал бывший наставник, не имевший никакого желания признаваться, зачем поил сонницей мужа веселой трактирщицы. – Ты стал мстительным!

– Нет, осторожным. За последние месяцы пришлось пережить столько бед, словно на меня ополчился весь континент.

– Извини, – виновато глянул Мейлан, – но подтолкнул эту лавину я. Ты слишком задержался в доме той продажной дряни. Хотя я и пальцем не пошевелил, пока не убедился, что она более ничего для тебя не значит. Ну а потом подсуетилась судьба, мне почти два месяца не удавалось тебя догнать, не то что перегнать.

– Это пока не важно, – не пожелал окунаться в прошлое бывший ученик. – Сейчас меня больше всего интересуют ответы на мои вопросы. Кстати! Не пытайтесь сами снимать ловушку, я ее усовершенствовал. От рывков она начинает въедаться в одежду, потом в кожу...

– Ты стал недоверчивым и жестким, – поджал губы наставник.

– Где ты видел мягких и наивных искусников? – с горьким изумлением приподнял бровь Инквар. – Мы все давно сидели бы в имениях Густава, если бы постепенно не обзаводились чешуей и шипами. Но не тяните время.

– Ты, конечно, очень зол на нас сейчас, – удрученно качнул головой Зинерс и твердо глянул прямо в глаза Инка: – Но забываешь, с кем разговариваешь. Мы такие же искусники, как и ты, только выросшие из детских представлений о мире. И не менее твоего не любим отвечать на вопросы, если на нас давят силой. Давай договоримся, ты снимешь свою ловушку, а мы поклянемся не причинять тебе ни малейшего вреда и ответить на все твои вопросы.

– Очень скользкая формулировка, – желчно заметил Инквар, внимательно наблюдая за противниками. – Нельзя ли уточнить, считается у вас вредом, если человека усыпят и отправят туда, откуда не дойти пешком?

– Вы уверены, что он достоин принятия в высший круг? – осведомился четвертый искусник, не проронивший до сих пор ни слова. – По-моему, его поведение недостаточно серьезно.

– Тебе это лишь показалось, Ратьен, – тихо, но уверенно произнес Мейлан. – Ты слишком долго жил в плену и привык следить за каждым словом и взглядом. А Инквар сейчас очень сильно расстроен, и я его понимаю. Потерять первую ученицу, да еще и невесту, – это огромный удар для любого из нас. Но он все поймет, я ручаюсь.

– Я очень понятливый, – ехидно подтвердил Инквар, пока и на гран не поверивший своим коллегам. – Но еще и весьма подозрительный. И пока не вижу ни одной причины, по которой должен вам доверять.

– Мы готовы все тебе объяснить, – терпеливо продолжал уговаривать его бывший наставник. – Но и ты должен нас понять, трудно разговаривать с человеком на равных, когда сидишь связанный.

– А мне легко было мчаться через лес, когда я вернулся к своей невесте и вместо нее обнаружил ваше послание? – невольно скрипнул зубами Инквар, и все черные, враз помрачнев, словно по уговору опустили полные горького сожаления взгляды.

Это дружное виноватое движение сказало искуснику больше, чем любые, самые пространные и витиеватые клятвы. Ни одному законченному подлецу не под силу пожалеть о совершенном им поступке, такие люди готовы идти по чужим головам ради своей цели. И значит, у него еще есть возможность попытаться их переубедить, но для этого нужно сесть за стол переговоров.

Инквар шагнул к приготовленному для него стулу, отодвинул его на пару шагов влево, так, чтобы оказаться напротив Зинерса, и спокойно уселся, положив руки на стол. А потом на миг закрыл глаза и отыскал особым зрением мага узел ядовито-зеленой кляксы, какой виделась ему ловушка. На светившиеся многоцветьем призрачных огоньков напоенные магией вещи искусников Инквар старался не отвлекаться. Он научился видеть их внутренним зрением всего декаду назад и пока еще не всегда точно определял, амулет это или фиал. Однако не мог не отметить величину арсенала, набитого в карманы и пояса черных. На миг Инквар даже пожалел о своей поспешности, но тут же решительно потянул к себе узел ловушки, собирая затраченную на нее магию в свой резерв.

Все равно другого выхода, кроме как попытаться с ними договориться, у него сейчас нет.

– Я снял ловушку, – любезно сообщил он, глядя в изумленно расширившиеся глаза Зинерса. – Теперь отвечай на мои вопросы.

– Он выдержал испытание, – ладонями вверх положил перед собой руки черный, привезший Инка в этот дом, и дружески ему улыбнулся: – Я Гарат.

– Я тоже так считаю, – помедлив, объявил тот, кого наставник назвал Ратьеном, и неожиданно усмехнулся: – Твой голем однажды ночью помог мне найти путь на свободу.

– Не было у меня тогда никакого голема, – хмуро фыркнул Инквар, припомнив тот неравный бой. – Был заяц, амулет иллюзии, четыре камня и рожок. Ну еще пара зелий, зайцу для храбрости.

– За такие авантюры надо бы еще с годик подержать его в одиночках, – нахмурился Мейлан и тут же положил на стол руки: – Но я уже поручился и решений не меняю.

– Видишь ли, – глянул на него бывший ученик, и в его глазах отголоском того боя плеснулась круто замешенная на застарелой ненависти горечь, – у ночников были заложники, которых они мечами гнали перед собой, и среди них любимая женщина моего

верного друга, я должен был ее спасти. Он очень хороший человек и обладает небольшим даром, хотя это не имеет никакого значения.

– Ты получаешь мое доверие. Совет искусников высшего круга считает Инквара достойным вступления в наши ряды, – чеканно произнес Зинерс и открыто улыбнулся озадаченному коллеге: – Рад за тебя. Не так уж часто нам выпадает счастье проводить этот ритуал, но он всегда огромная радость для остальных. Отныне у нас нет от тебя никаких секретов, и все, что мы имеем, на равных правах принадлежит и тебе. Хотя первая тайна, которую мы намерены открыть, несомненно, тебя очень огорчит, но одновременно и поможет понять, отчего мы так одеты и так живем. Ты ведь направлялся в Восточную долину искусников? И надеялся найти там цветущий город, по которому гуляют толпы братьев по ремеслу? Так вот, ничего этого нет. Есть лишь две небольшие крепости, запирающие входы в ущелья, ведущие к несуществующему городку мастеров. В них несут службу самые надежные воины из гильдии наемников и по очереди дежурят входящие в высший круг искусники. А всех братьев, кто туда направляется, мы стараемся перехватывать на подходе или отбивать у ловцов.

– Но где тогда... – еще бормотал ошеломленный этой новостью Инквар, а сердце уже сжимала боль внезапного прозрения.

Ну как «где»? Вот здесь, в тех крепостях, да еще в рабстве у баронов и градоправителей.

– Ну да, – сочувственно кивнул наставник. – Нас в несколько раз меньше, чем ты привык думать. Но с каждым годом рождается все больше одаренных детей, и теперь мы почти всех успеваем найти вовремя, пока в них еще не зародились высокомерие и пренебрежение к остальным людям.

– Так сколько же нас всего? – поторопил его Инквар.

– Почти полтысячи, – гордо произнес Зинерс и невесело признался: – А вот в высшем круге пятьдесят семь. С тобой.

– Ну, это сильно меняет дело, – с невольным облегчением пошутил Инквар. – Я-то было подумал, что нас всего пятеро. Ну а теперь говорите, где Лил и Ленс с матерью?

– Алильена, к сожалению, пока еще в пути, – помрачнел глава круга. – И перехватить ее мы никак не сможем. Карета оснащена всем необходимым и мчит почти без остановок, на ходу меняя коней и охрану. Корди расставил свои посты на всем пути. И объявил – если через семь дней в его замке не будет племянницы, то палач начнет казнить заложников. А вот мать Алильены и ее брат уже несколько дней живут в замке барона, и это было решение Лавинии.

– Но мы уже предприняли свои меры, – заторопился Гарат, с состраданием глядя на почерневшее лицо нового соратника. – Я еще вечером послал сообщение. В замке Корди у нас есть преданные люди, и у барона они вне подозрений. Как только девушку привезут, рядом с ней будет кто-то из наших. Ну и, разумеется, мать с братом.

– А про их отца что-нибудь известно? – решил сначала выяснить все до конца Инквар.

– Нет. Он словно сквозь землю провалился, мы искали его еще полгода назад. А сейчас ищут все наемники и травницы, увы, пока с тем же успехом. Но он слабый искусник и вряд ли мог бы заинтересовать кого-то из баронов, они постепенно накопили амулеты и научились довольно точно определять силу наших способностей. Именно поэтому все мы ходим в черном и имеем при себе знаки принадлежности кому-либо из баронов. Хотя это всего лишь договоренность.

– Но почему тогда вы до сих пор не раздавили проклятого Корди?

– До этого случая нам удавалось незаметно на него влиять, а заодно и на всех остальных

правителей, прислушивающихся к мнению Корди. Сами мы не собираемся брать в свои руки власть, нам это бремя не удержать, да и не наше это дело. Зато помогаем укрепиться союзу гильдии наемников с охотниками, травницами, обозниками и купцами, – пояснил Зинерс и подвинул Инку тарелку: – А ты не забывай есть.

– Потом, – отказался Инквар. – Сначала о главном. Тарен Базерс, несомненно, не самый сильный искусник из всех, кого я знаю, зато он гениален. И это откуда-то стало известно Корди, возможно, вычислил кто-то из одаренных. Именно поэтому барону так нужна семья Тарена. Корди собирается, как на живца, поймать на них самого Базерса, и вот это самое скверное.

– На что именно ты намекаешь, говоря о его таланте? – тотчас насторожился Мейлан.

– Только на одно. Пока еще никому до него не удалось изобрести надежный способ делать истинных магов из одаренных детей.

Несколько минут все молчали, сверля Инквара недоверчивыми взглядами, а он, наконец поверив, что попал вовсе не к подосланным баронами предателям гильдии, успокоился и принялся за еду. Торопливо жевал все подряд, запивал остывшим отваром из трав и сухофруктов и обдумывал план спасения своих учеников. Вернее, ученика и невесты, теперь он никогда и никому не поведаст, каким извилистым путем шел к этому непростому решению.

– Ты уверен? – Мейлан смотрел на ученика так сурово и пристально, словно проверял, правильно ли тот сварил редкое зелье.

– Да, абсолютно. Они оба подлинные маги. И Лил и Ленс... кстати, он тоже мой ученик. Но знаю это только я, даже Лавиния не подозревает об истинных возможностях своих детей, считает их просто одаренными. Еще кое о чем догадывается травница Хадина, да Дайг был свидетелем одного случая, но думает, будто Алильена использовала боевой амулет. А на самом деле она просто влила всю свою силу в магические побрякушки ночников, и все амулеты вмиг раскалились. Нам лишь оставалось добить негодяев. Но Лил после такого выброса сутки лежала без сил, поэтому я должен быть рядом с ними.

– Ты считаешь себя сильнее всех нас? – настороженно уставился на нового собрата по кругу Зинерс.

– Нет, я не сильнее, это нельзя так назвать. – Инквар смотрел на него хмуро, вовсе не желая одним махом открывать едва знакомым людям все свои секреты. И отчетливо понимал, что иначе они ему не поверят. – Так уж сложилось, мы все время с кем-нибудь воевали, а она хотела мне помочь и бросала понемногу энергию. Потом постепенно начала прибавлять порции... а когда все объяснила, я попытался понять, куда эта магия девается, и мысленно поставил щит, чтобы накопить немного в запас. Потом на нас снова напали, и я валялся почти сутки, а она сидела рядом и снова добавляла мне силы. Вот после этого он стал устойчивым, небольшой резерв, которым она учит меня управлять. Впрочем, мы учимся вместе, вы же видели, как я снял с вас ловушку? Могу показать еще несколько умений, например, зажечь на расстоянии огонь или поставить вокруг себя щит из плотного воздуха – именно таким я закрывался от Канза, иначе вы меня никогда бы больше не увидели. Но все это я могу пояснить вам по пути, а сейчас пора отправляться.

– Инк, – горьковато усмехнулся Ратьен, – а тебе не приходит в голову, что после этого признания ты стал для нашего братства самым ценным артефактом, несущим надежду на стремительное приближение к главной мечте? И теперь ни в какие опасные места тебя никто никогда не пустит?

– Мне в последнее время много чего приходит в голову, – откровенно признался Инквар. – Но особенно часто я думаю о том, как может повернуться наша жизнь, если одаренных и магов можно будет создавать сотнями. И очень ясно представляю, сколько боли и горя может принести людям какой-нибудь жадный и самолюбивый самодур вроде Канза. Поэтому сначала мы должны сделать все возможное, чтобы магический дар достался только неоднократно проверенным, надежным искусникам и их ученикам. Нельзя давать особую силу в руки людей с темной душой и нечистой совестью.

– Но и рисковать тобой мы теперь не имеем права, – задумчиво качнул головой Зинерс. – Нужно придумать другой план.

– Чем вы думали, когда рисковали Алильеной?

– Мы были убеждены, что Густав ее не обидит. Как донесли наши разведчики, он собирается женить на дочери племянницы одного из сыновей или племянников, – вздохнул Гарат, чувствувавший себя виновнее всех в этой непростительной ошибке. – А среди одаренных узников, приговоренных Корди к казни, много наших друзей, и даже есть родичи. Кроме того, как докладывают наблюдающие за Лавинией люди, вдова искусника живет в роскошных покоях, разодета по последней моде и всюду флиртует с советниками и самим бароном. Двое его преданных помощников уже рассорились из-за нее – говорят, дело едва не дошло до драки.

– Я за всю жизнь не встречал более талантливой лицедейки, – припоминая выходки Лавинии, ухмыльнулся Инк. – А об ее хитрости и коварстве лучше промолчу, все же она будет мне тещей. И Лавиния еще не вдова, пока никто не видел Тарена мертвым.

Искусники высшего круга снова помрачнели, примолкли на некоторое время, не решаясь задавать Инку свои вопросы. Молчал и он, обдумывая, как сбежать отсюда, если собратья примут решение не отпускать его к Корди.

– Догнать Алильену нам уже не удастся, значит, придется послать к барону Юдгана, – внезапно заявил Зинерс, посмотрел в глаза озадаченного Инквара и тут же лукаво осведомился: – А ты о нем слышал?

– А кто из наших не знает Юдгана? – пожав плечами, вопросом ответил ему искусник. – Ну, еще все травницы, бароны и градоначальники. Ведь он – легенда.

– Ну да, старина Юд за последние пару десятков лет стал настоящей знаменитостью, – засмеялся Зинерс. – Его зелья и амулеты обладают непревзойденной силой, а сам он ловок и хитер, как хорек. Недаром же еще ни одному ловцу и шпиону не удалось его выследить, не то чтобы поймать. Ну а о том, как страстно желают заполучить Юда в свои замки бароны и градоправители, знают все в гильдиях травниц и наемников. Но никто, кроме нас, даже не подозревает, что такого человека никогда и на свете не было.

– Не может быть, – неверяще мотнул головой Инквар.

Хотя... он тут же представил, как удобно и выгодно было мастерам высшего круга продавать свои поделки, прикрываясь именем несуществующего гения. Но ради чего им теперь разрушать такую удачную выдумку?

– Тебя ведь якобы убил Канз, – осторожно напомнил Мейлан. – И Корди уже об этом доложили. Поэтому появиться во владениях Густава в своем собственном облике ты не можешь. Даже если он не прикажет тебя тут же убить, то запрет в башне с наказанными и начнет шантажировать тобой Алильену и Аленсию. А вот Юдгана он поселит в лучших покоях и будет уговаривать работать на него добровольно. Иногда Корди по полгода улещивал особо ценных мастеров.

– И много их у него? – заинтересовался Инквар, сообразив, как неверны были его прежние представления.

– Недавно было пятеро, пока Ратьен не решился сбежать. Теперь осталось четверо, и только двое – подтвержденные мастера. Остальные двое самоучки, вернее, недоучки. Вот они сломанные, смирившиеся люди, нуждающиеся в помощи и лечении, но до сих пор у нас не было возможности их похитить. Густав очень хитер и предусмотрителен, все его мастера живут в разных концах поместья, и охрана следит за ними, не сводя глаз. А кроме того, он связал своих рабов страшными клятвами, выставив залогом жизнь их родичей и любимых. И это не пустые угрозы, барон имеет обыкновение казнить провинившихся и заложников на

главной площади своего городка, заставляя смотреть на это жуткое зрелище всех рабов. Если ты решишься туда отправиться, нужно очень тщательно продумать план действий и сделать настоящую личину. Дешевые трюки с Корди не проходят, он первым делом отдает всех прибывших в руки опытных банщиков. Поэтому иди отдыхать, а мы пока пошлем вестников надежным людям, пусть шепнут ловцам Корди, где можно найти Юда.

– Я буду спать в повозке, – упрямо отказался Инквар. – Юд ведь мог бы гулять где-нибудь поближе к владениям барона? Кроме того, в дороге мне лучше думается.

– А о том, что у нас сейчас просто нет лошадей и мы тоже не одни сутки мчались на этот совет, ты не забыл? – укоризненно глянул ему в глаза учитель. – Поверь, теперь несколько часов уже ничего не решают, а мы до рассвета успеем послать десятки вестников и запустить правдоподобные слухи. На слово Густав не верит, по-моему, даже собственной жене. Хотя нам известно, что пока ни одну из своих наложниц старшей женой он не назвал.

– Хорошо, – скрепя сердце согласился с его доводами Инквар. – Но отдыхать я все равно не пойду, выспался в повозке. Объясните, чем могу вам помочь?

Лил проснулась, почувствовав в очередной раз, как остановилась ее тюрьма на колесах, провела ладонью по опухшему от слез лицу и горько усмехнулась. А ведь она уже почти поверила... да какое там «почти»!

Девушке живо припомнился вчерашний вечер, или это было уже позавчера?

Она всего лишь хотела посмотреть, как он уходит, непонятно почему пришла в голову такая блажь. Осторожно следила из-за зарослей сорняков, как Инк заботливо убирал все следы стоянки, как легко побежал прочь. Но вскоре обернулся, с тревогой оглядел выворотень и вдруг довольно улыбнулся, даже не подозревая, что Лил, усилив магией зрение, нахально за ним подглядывает.

Свет этой улыбки поразил девушку, как гром с ясного неба, еще совсем недавно Алильена даже не надеялась увидеть на лице любимого мужчины такого откровенного удовольствия. Учитель всегда был отзывчив и заботлив, но относился к ученице с некоторой прохладцей, старательно удерживая между ними непреодолимый барьер.

Потом Инк оглянулся еще раз и исчез за кустами, но теперь Лил больше не хотелось за ним бежать. Душу внезапно жарко, словно взрывом огненного амулета, опалило предчувствие близкого счастья, и девушка тихонько засмеялась, крепко притиснув к себе в порыве чувств ничего не понимающего, но невероятно счастливого Найда. Не часто в последние дни ему разом перепало от хозяйки столько внимания и ласки.

А потом пришел тот... черный.

Сказал про письма от матери и брата и показал тайный жест, который известен только Ленсу. В тот момент она еще не подозревала, что перед ней не просто гонец, а вестник самой судьбы, и спокойно взяла у него два запечатанных конверта. Разумеется, ей хотелось сначала прочесть записку Ленса, но никто не должен был догадаться, что Лил доверяет братишке намного больше, чем собственной матери. Слишком вычурными дорогами шли подчас рассуждения Лавинии и заканчивались слишком невероятными выводами и поступками.

Мать по обыкновению написала кучу охов и ахов, задавая вопросы о здоровье и погоде, но Лил просмотрела их, почти не вдумываясь в смысл, точно зная: самое сладкое или горькое маменька всегда оставит напоследок. Так и оказалось, и первая же фраза о том, как хорошо живется маменьке с Ленсом в имении дядюшки Густава, заставила Алильену незаметно

прикрыть щитами свои эмоции. Нелегкое и затратное дело, но после того как Ленс выяснил, что некоторые одаренные могут, хотя и слабее, чем он сам, ощущать чужие чувства, Лил старалась хранить свои тайны еще ревностнее.

Записку Ленса она открывала нарочито небрежно, пробежала глазами и сунула в карман куртки, уже отчетливо понимая: ничего изменить она отныне не сможет, да и не захочет. Она нужна Ленсу, и значит, немедленно отправится к нему вместе с этим проклятым черным, всего одной фразой перечеркнувшим все ее надежды на счастье.

– Куда идти? – спросила девушка холодно, даже не заметив, как безжизненно прозвучал ее голос.

– Тут недалеко, на проселочной дороге ждет повозка, – виновато пряча глаза, буркнул он. – Но я должен тебя усыпить... или...

– Или взять с меня клятву, – безразлично буркнула Алильена, нащупала крохотный камушек проклятого амулета и с усилием крутнула его в касте. – Я добровольно признаю себя рабыней.

– Не надо! – ринулся к ней черный искусник, но остановить не успел.

Вспыхнул тревожный, густо-фиолетовый росчерк молнии, и словно облачко сажи упало на одежду Алильены, окрашивая ее в жгуче-черный цвет.

– Ты же его племянница, – огорченно пробормотал гонец. – Он велел ловцам везти тебя, как дорогую гостью.

– А вернуться с полдороги разрешил? – едко осведомилась Лил и, не дожидаясь ответа, полезла прочь из берлоги. – Так в какую сторону идти?

– Ты не хочешь забрать свои вещи?

– Тут нет моих вещей, – равнодушно буркнула девушка, отводя взгляд от Найда, которого специально усыпила, чтобы не мешал поговорить с неожиданным гостем.

Тогда ей еще казалось, что разговор может закончиться как-то по-другому.

Конечно, она могла бы попытаться сжечь черного или договориться с ним, попросить отложить уход на несколько часов. Но почти сразу поняла, что никогда не сможет сделать ничего подобного. Слишком хорошо помнила, как всегда сочувствовал черным отец и как мрачнел при упоминании о них Инк, не забывавший о возможности однажды стать рабом одного из правителей.

[Купить полную версию книги](#)